

Центр внешнеполитического
сотрудничества
имени Е.М. Примакова

Россия и Западная Азия

в оценках международных экспертов

доклад

доклад

Россия и Западная Азия

в оценках международных экспертов

Москва, 2026

Центр внешнеполитического сотрудничества им. Е.М. Примакова

Доклад

Россия и Западная Азия в оценках международных экспертов

Авторский коллектив:

Адрианов А.К., Аль-Момани Х., Арм А., Евсеенко А.С., Кузнецов В.А.,
Мамедов Р.Ш., Морозов В.М., Паппинен И.Е., Райес Р., Темиз К.

Редакторы-составители: к. ист. н. Мамедов Р.Ш. (отв. ред.),
к. полит. н. Карслиева В.Г., Исакова А.А., Юзопольский М.Д., Паппинен И.Е.

Автор идеи: к. полит. н. Карслиева В.Г.

Россия и Западная Азия в оценках международных экспертов. №1 / 2026 /
[Адрианов А.К., Аль-Момани Х., Арм А. и др.]; [под ред. Мамедова Р.Ш.,
Карслиевой В.Г. и др.] — М.: Центр Примакова, 2026. — 80 с.

ISBN 978-5-6053799-7-3

№ 1, 2026

В докладе собраны взгляды международных экспертов на взаимодействие России и стран Западной Азии, а также ключевые тенденции трансформации международного и регионального порядка. Авторы анализируют стратегические сдвиги в отношениях России со странами региона, уделяют внимание факторам политического ислама, роли внешних игроков и оценивают перспективы урегулирования палестино-израильского конфликта. Особое внимание уделено взаимосвязи глобальных и локальных факторов, формирующих новую дипломатическую реальность региона. Работа адресована специалистам в области международных отношений, востоковедам и политологам.

Высказанные в материале мнения отражают исключительно взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Центра внешнеполитического сотрудничества им. Е.М. Примакова

© Составление, оформление, дизайн: Центр Примакова, 2026

Содержание

Предисловие (Руслан Мамедов)	6
РАЗДЕЛ I. Россия и Западная Азия: между идеологиями и прагматизмом	7
Размышления о будущем политического ислама (Василий Кузнецов)	8
Россия и Иран в условиях глобальной турбулентности (Иван Паппинен) ...	15
Россия и монархии Залива — к новому качеству стратегического диалога (Артем Адрианов)	25
РАЗДЕЛ II. Западная Азия и мировой порядок	32
Иранская война и трансформация региональной динамики и международного порядка (Арм Армина)	33
Константы и переменные политики США на Ближнем Востоке (Андрей Евсеенко).....	40
Китай и Ближний Восток: внешнее вмешательство и хрупкость регионального порядка (Кадир Темйз)	48
Основы внешней политики Иордании и ее детерминанты (Хасан Альмомани)	55
РАЗДЕЛ III. Палестино-израильский конфликт	62
Палестина и Израиль: «альтернативное послезавтра» и переосмысление стратегий мирного процесса (Владимир Морозов)	63
Палестино-израильский конфликт: мрачные сценарии мирного урегулирования (Рами Райес)	70
Об авторах и составителях	76

Предисловие

Геополитическая конфигурация в Западной Азии формируется под влиянием множества факторов: исторических противоречий, этноконфессиональных разногласий, борьбы за ресурсы, внешнего вмешательства и поиска новых моделей регионального управления и сотрудничества. Для России этот регион имеет особое значение — как ареал взаимного историко-культурного обогащения, пересечения экономических интересов и пространство, напрямую влияющее на безопасность южных рубежей страны. Доклад **«Россия и Западная Азия в оценках международных экспертов»** не претендует на исчерпывающее описание всех тенденций в Западной Азии. В нем собраны исследования экспертов из разных стран, предлагающие взгляд на ситуацию с различных позиций — от академического анализа до прикладных политических прогнозов. Возможность представления многообразия взглядов лежало в основе изначальной задумки редакторов-составителей данной работы.

Доклад подготовлен к VI Международному экспертному форуму «Россия — Ближний Восток», который организуют Центр внешнеполитического сотрудничества им. Е.М. Примакова и Институт востоковедения РАН. Форум стал крупнейшей дискуссионной площадкой, в которой с 2019 г. принимают участие российские и зарубежные представители ведущих научных центров.

Подготовка аналитических докладов к Форуму становится доброй традицией. В 2024 г. Центром Примакова был опубликован доклад **«Миссия культурной и научной дипломатии России на Ближнем Востоке»** (авторы — В.В. Наумкин, М.Б. Пиотровский, В.А. Кузнецов). В докладе отмечалось, что «развитие отношений России с государствами Ближнего Востока и Северной Африки и появление новых направлений сотрудничества будет требовать расширения повестки дня научного сопровождения этих отношений»¹. В развитие этой идеи подготовлен новый материал Центра Примакова при поддержке коллектива международных авторов «Россия и Западная Азия в оценках международных экспертов».

oooooooooooooooooooo

¹ Наумкин В.В., Пиотровский М.Б., Кузнецов В.А. Миссия культурной и научной дипломатии России на Ближнем Востоке. Доклад №1 / 2024. М.: Центр Примакова, 2024. С. 16.

Доклад открывает материал **Василия Кузнецова «Размышления о будущем политического ислама»**. Автор ставит вопрос о том, каково положение политического ислама на современном этапе, насколько прагматичны ассоциирующиеся с ним движения и каковы их долгосрочные цели. В.А. Кузнецов затрагивает идейные основы и эволюцию исламских политических движений, их влияние на внутреннюю стабильность стран региона и международные отношения.

Далее **Иван Паппинен** оценивает российско-иранские связи на фоне глубокой деградации отношений двух стран с Западом. Автор статьи **«Россия и Иран в условиях глобальной турбулентности»** анализирует состояние отношений двух стран после подписания договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, призывая преодолеть недостаточный уровень гуманитарного и экономического сотрудничества. **Артем Адрианов** в работе **«Россия и монархии Залива — к новому качеству стратегического диалога»** рассматривает перспективы углубления сотрудничества между Россией и государствами Совета сотрудничества арабских государств Залива. Российский эксперт оценивает российскую концепцию коллективной безопасности в зоне Залива. Адрианов А.К. считает, что сторонам необходимо минимизировать риски от региональной нестабильности и внешнего давления, что бы позволило вывести находящийся на переломном этапе стратегический диалог России и стран ССАГПЗ на более высокий уровень.

Второй раздел посвящен трансформации мирового порядка и роли внешних сил в регионе. **Армина Арм** в своей статье **«Иранская война и трансформация региональной динамики и международного порядка»** анализирует, как американо-израильская агрессия в отношении Ирана меняет региональный баланс сил и глобальный порядок. По ее мнению, «траектория текущего кризиса указывает на то, что глобальный порядок постепенно, но решительно движется к более сложной, многоуровневой и динамически сбалансированной конфигурации». В исследовании **Андрея Евсеенко «Константы и переменные политики США на Ближнем Востоке»** рассматриваются стратегические приоритеты Вашингтона, их преемственность и трансформации в условиях новых вызовов. Автор дает свою оценку сценариям, при которых возможна девальвация значения Ближнего Востока в американской политике.

Статья **Кадира Темиза «Китай и Ближний Восток: внешнее вмешательство и хрупкость регионального порядка»** раскрывает растущую роль Китая в регионе, его экономические и политические инструменты влияния, а также последствия китайской экспансии для региональной стабильности. Несмотря на то, что статья посвящена роли Китая на Ближнем Востоке — и это действительно впечатляющие размышления — автор концентрируется также на субъектности самих ближневосточных государств. По его мнению, будущий региональный порядок, вероятно, будет зависеть от того смогут ли они преобразовать внешнюю конкуренцию в модальности взаимодействия, которые бы способствовали стабильности и сотрудничеству.

Исследование **Хасана Аль-Момани «Основы внешней политики Иордании и ее детерминанты»** посвящено роли малого государства в региональной политике, а конкретно, внешнеполитической стратегии Иордании, ее ключевым интересам и механизмам адаптации к региональным кризисам. Иорданский автор подводит читателей к мысли о том, что геополитическое положение Иордании одновременно выступает и ограничением, и ресурсом: страна успешно использует внешние связи и дипломатические инструменты, чтобы играть активную роль на региональной и международной арене вопреки ограниченности материальных возможностей.

Проблемы урегулирования в зоне палестино-израильского конфликта освещаются в третьем разделе в работах **«Палестина и Израиль: „альтернативное послезавтра“ и переосмысление стратегий мирного процесса»** Владимира Морозова и **«Палестино-израильский конфликт: мрачные сценарии мирного урегулирования»** Рами Райеса. Авторы предлагают критический анализ существующих подходов и выдвигают гипотезы относительно возможных сценариев развития палестино-израильского конфликта. В качестве базового сценария российский и ливанский авторы подчеркивают низкую вероятность достижения устойчивого мира. Они акцентируют внимание на сложной ситуации на Западном берегу реки Иордан и отмечают, что текущая динамика скорее ведет к закреплению асимметрии, а не к прогрессу в мирном процессе. Различия заключаются в фокусе и геополитической перспективе: В.М. Морозов сосредоточен на внутренних и региональных механизмах (гибридные модели управления), рассматривает конфликт в контексте более широкой региональной

конфигурации (с участием стран Персидского залива, Турции, Ирана) и уделяет внимание различным аспектам адаптации системы и ее акторов к перманентной нестабильности. Р. Райес делает акцент на межпалестинских отношениях, роли внешних игроков (США, России, Китая) и рассматривает сценарии радикальных геополитических сдвигов.

Как было отмечено, настоящий доклад не претендует на исчерпывающее описание всех тенденций в Западной Азии. Его цель — стимулировать дискуссию, помочь читателю увидеть сложность и взаимосвязанность региональных процессов, а также оценить возможности для России выстраивать сбалансированную политику, учитывающую как собственные интересы, так и потребности партнеров и соседей. Мы надеемся, что представленные материалы окажутся полезными для исследователей, дипломатов, студентов и всех, кто интересуется современными политическими процессами и международными отношениями.

Мамедов Руслан Шакирович,
к. ист. н., научный руководитель Центра Примакова,
старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

РАЗДЕЛ I

Россия и Западная Азия:
между идеологиями
и прагматизмом

Размышления о будущем политического ислама

Кузнецов Василий Александрович, д.полит.н., заместитель директора Института востоковедения РАН, заведующий Центром арабских и исламских исследований ИВ РАН, член Российского совета по международным делам (Россия)

Скоро будет уже сто лет, как различные варианты исламизма остаются основной политической альтернативой на Ближнем Востоке — организация «Братьев-мусульман» (запрещена в РФ) была создана в Египте в 1928 году. За столетие представляющие это направление религиозно-политической мысли организации прошли колоссальный путь. Их идеология становилась все более изощренной, их политическая тактика — все более гибкой, их организационные формы — все более разнообразными. К 2010-м годам среди них выделялись как вполне респектабельные партии, интегрированные в политические системы крупнейших государств региона, так и джихадистские террористические образования, не признававшиеся никем в мире. Поразительно то, что за свою долгую историю, при всей колоссальной общественной поддержке, которой эти организации пользовались в самых разных странах, при всем политическом хитроумии лидеров, практически нигде и никогда они не приходили к власти. Исключением можно считать контроль ХАМАС над Газой, но и там речи о полноценном доминировании в политической системе Палестины речи не шло. Арабская весна вроде бы подарила им исторический шанс на реванш, однако в Египте дело закончилось уже в 2013 году полным разгромом «Братьев-мусульман», в Тунисе — сначала постепенным устранением, а затем разгромом ан-Нахды. Интегрированные в органы представительной власти умеренные исламистские организации в большинстве стран региона постепенно оттеснялись на обочину политического процесса. Одновременно с этим радикальные организации, такие как ИГИЛ (запрещена в РФ), встретили резкое сопротивление всего международного сообщества и довольно быстро были

повержены, по пути, правда, во многом дискредитировав саму концепцию политического ислама, прежде всего — в глазах самих мусульман. В результате к началу 2020-х годов казалось, что исламистский момент в регионе ушел в небытие, а исламская альтернатива в ближайшем будущем вряд ли возродится.

Сегодня, на первый взгляд, ситуация остается прежней: едва ли где-либо мы видим резкий рост популярности исламистских организаций. Во всех странах Северной Африки, включая те, что ранее считались флагманами исламизма — Египет, Тунис, Алжир, — они занимают более или менее маргинальное положение. Даже про исламистский бэкграунд турецкой ПСР вспоминать уже не принято. В Иордании «Братья-мусульмане» были запрещены в 2025 году. В Палестине и Ливане ХАМАС и «Хизбалла» лишились множества своих ресурсов в результате военных действий Израиля.

И тем не менее именно сегодня создан целый ряд предпосылок для очередной попытки исламистского реванша.

Наиболее существенная из них — это продолжающийся социально-экономический и отчасти политический кризис во многих странах. Пандемия и последовавшие за ней глобальные кризисы, обернувшиеся для региона острыми проблемами в экономике, привели к тому, что вместо обновления общественного договора, о чем постоянно шла речь в 2010-е, произошла некая стабилизация общественно-политической жизни без коренных трансформаций системы и без существенного укрепления доверия общества к власти. Об этом свидетельствуют и электоральные показатели в таких странах, как Алжир или Тунис, и перманентные политические кризисы в Ливии, Ливане и Ираке.

С этой предпосылкой связана вторая — отсутствие привлекательного идеологического предложения со стороны условно светской части истеблишмента и кризис политических партий. Левые партии, изначально пользовавшиеся весьма ограниченной поддержкой, нигде в регионе не смогли преодолеть удары крушения социалистической системы. Даже бури 2010-х годов возрождению левой идеи не помогли. Центристские проправительственные политические организации остаются *de facto* деидеологизированными. Националистический поворот последних лет, отчетливо заметный в официальном политическом дискурсе 2020-х годов, может выполнять лишь ограниченную консолидирующую роль, но вне привлекательной модели националь-

ного будущего он будет обречен — это будет бесконечный разговор о великом прошлом без внятной картинки столь же великого будущего. Исключение здесь составляют арабские монархии Залива со своими стратегическими «Видениями» и Египет.

Таким образом, исламисты оказываются едва ли не единственной идеологической альтернативой существующей реальности.

Третья предпосылка — это демонстрационный эффект триумфального возвращения к власти в Афганистане «Талибана», относительная успешность иранского противостояния Израилю и США, неспособность Израиля и его союзников нанести сокрушительное поражение «Хизбалле», ХАМАСу, а также движению «Ансар Аллах». Во всех этих случаях само сохранение антизападных сил, несомненно, будет интерпретировано их потенциальными сторонниками как уверенная победа, вне зависимости от того, какой реальный ущерб эти силы претерпели. Вместе с тем агрессивная политика Израиля последних лет вновь будет рассматриваться как доказательство враждебного характера этого государства.

Наконец, в перечень побед исламистов может быть внесен и приход к власти Ахмада аш-Шараа в Сирии. Несмотря на демонстрируемый его правительством в 2025 году прагматизм, исламистские корни новых властей не забыты не только внешними игроками, но и сторонниками самого нового лидера, зачастую недовольными его излишней политической гибкостью.

Конечно, все это не означает, что в ближайшем будущем нас ждет возвращение исламизма образца десятилетней давности. Чтобы вернуться по-настоящему, им надо проделать некую «домашнюю работу», ответив на ряд весьма существенных вопросов. Какой проект будущего они могут предложить обществам в целом, а не только своим сторонникам? Как они могут решать экономические проблемы (этот аспект всегда был слабым местом исламистских политических программ)? Как они будут сопрягать в своих идеологиях религиозную идею и национализм (во всех успешных случаях эти две вещи сопрягаются)? Какую тактику они смогут использовать в ситуации, когда власти в большинстве стран готовы к вызовам массовых протестов, а общества устали от бесконечной турбулентности?

Кроме того, принципиально изменился региональный контекст: если раньше исламистские движения в разных странах могли рассчи-

тывать на уверенную поддержку внешних сил, то сейчас ситуация выглядит иначе. Выдвигаются страны, для которых противостояние «Братьям-мусульманам» принципиально (ОАЭ, Египет), но есть и те, кто занимает более гибкую позицию (Катар). Проблема в том, что вторые сегодня не готовы вкладываться в деятельность исламистских организаций за рубежом.

Положение может измениться под воздействием нескольких факторов.

Во-первых, на него окажет существенное влияние исход нынешней войны против Ирана и дальнейшая трансформация региональной политики Исламской Республики. Вернется ли Тегеран к поддержке «Оси сопротивления» или будет вынужден сосредоточиться на внутривнутриполитических процессах? Как он будет выстраивать отношения с официальными властями Ирака, Сирии, Ливана? Насколько глубоким окажется раскол в его отношениях со странами ССАГПЗ? И т. д., и т. п.

Во-вторых, многое будет зависеть от изменения ситуации в монархиях Залива. Будет ли дело идти к большей консолидации ССАГПЗ или, напротив, продолжится размежевание ОАЭ и КСА; сколь велики будут реальные потери монархий от нынешней войны и смогут ли они и далее поддерживать союзные им силы в других странах в необходимом объеме; как это скажется на ситуации в Йемене, Сирии, Ливане, а также в Египте?

Наконец, в-третьих, какова будет судьба нынешнего сирийского режима? Сможет ли он все же консолидировать власть или оппоненты Ахмада аш-Шараа и его прагматичных сторонников в какой-то момент решат «перевернуть доску», чтобы установить в стране более радикальный политический режим?

Ни на один из этих вопросов ответа пока что нет, однако очевидно, что нормализация положения в регионе будет зависеть, с одной стороны, от внутрирегиональной кооперации для ответа на экономические вызовы, а с другой — от способности властей и гражданского общества к формированию идеологического предложения, более привлекательного, чем то, что выдвигают исламисты.

Россия и Иран в условиях глобальной турбулентности

Паппинен Иван Евгеньевич, проектный менеджер Центра внешнеполитического сотрудничества им. Е.М. Примакова (Россия)

В 2025 году Россия и Иран подписали договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве¹. В нем изложены общие для России и Ирана принципы внешней политики и обозначен широкий спектр направлений развития сотрудничества. Соглашение заменило собой подписанный в 2001 году российско-иранский договор в качестве политико-правовой основы российско-иранских отношений. Придание партнерству стратегического характера предполагает не просто сотрудничество в вопросах, представляющих взаимный интерес, но и устойчивость отношений к внешним раздражителям. Это не означает, однако, отказа государств от прагматичного подхода к сотрудничеству и не требует приоритизации интересов партнера по отношению к собственным. Ниже приведен анализ основных характеристик российско-иранских отношений на современном этапе и взаимных интересов двух стран; автор также выделяет наиболее перспективные, на свой взгляд, области двустороннего сотрудничества с учетом международных и внутренних реалий.

Современный срез двусторонних политических отношений и взаимные интересы сторон

Несмотря на неоднозначную историческую динамику российско-иранских отношений, представляется, что объективная реальность создает предпосылки для их позитивного развития. На сегодняшнем историческом этапе конструктивный потенциал российско-иранского взаимодействия как никогда рельефно проявляется на фоне глубокой

1 Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран / Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный ресурс. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62722/ (Дата обращения: 06.05.2026).

деградации отношений между Ираном и Западом. В условиях планомерной эскалации давления на Иран со стороны США, целью которой является, как минимум, полный пересмотр внешней политики Ирана, в Тегеране все более отчетливо вырисовывается стремление к выстраиванию глубоких — вплоть до союзнических — отношений с Россией и Китаем как двумя лидерами незападного мира. Иран разделяет основополагающие ценности, продвигаемые на международной арене Россией: взаимное уважение национальных интересов и интересов безопасности, многосторонность, мирное разрешение споров, неприятие однополярности и стремление к построению многополярного международного порядка. Концепция многополярности находит отклик в Иране, который позиционирует себя как региональную державу и естественного лидера в регионе Залива.

Россию и Иран объединяет острая озабоченность проблемами собственной безопасности, обусловленная их географическим положением и историческими катаклизмами в форме иностранных вторжений, жертвами которых оба государства неоднократно становились на протяжении истории. Наличие у обеих стран выхода к Каспийскому морю и соседство с общими регионами — Закавказьем и Центральной Азией — создают прочные предпосылки для сотрудничества в предотвращении угроз безопасности на всем этом пространстве. В сегодняшних геополитических реалиях Москва и Тегеран смотрят друг на друга как на естественных партнеров в сфере безопасности в силу не только историко-географических причин, но и особенностей существующего миропорядка. В то время как Запад фактически вычеркнул Иран из сферы действия общепризнанных международных норм и правил, Россия выступает ключевым партнером Ирана на международной арене, отстаивая всю полноту его прав как международного субъекта.

Россия как держава с глобальными интересами рассматривает Иран в качестве одного из ведущих государств на Ближнем Востоке. Москва и Тегеран успешно сотрудничали в борьбе с исламистскими террористическими формированиями и урегулировании кризиса в Сирии. Вопреки утверждениям западных исследователей, Россия не противопоставляет партнерству с Ираном сотрудничество с арабскими государствами и Израилем. В то время как в Иране негативно реагируют на отсутствие априорного признания Россией принадлежности Ирану трех островов в Персидском

заливе, которые оспаривают друг у друга Тегеран и Абу-Даби², позиция России по этому вопросу объяснима, предсказуема и соответствует ее основным внешнеполитическим установкам. Москва — и это отнюдь не уникальная черта российской внешней политики — избегает вмешательства в чужие территориальные споры на чьей-либо стороне, при этом стремится сохранить потенциал конструктивного партнерства с обеими сторонами. Россия также стремится к поддержанию дружественных отношений с Израилем, который выступает ключевым союзником США на Ближнем Востоке, претендует на региональное лидерство и оказывает серьезное влияние на региональную динамику — и, помимо прочего, остается одной из стран мира с самой большой долей русскоязычного населения³. В то же время Москва категорически осуждает агрессию Израиля и США против Ирана⁴ и считает нелегитимными требования, предъявляемые ими к Ирану относительно его ядерной программы⁵.

Российско-иранское стремление к сближению сопряжено с сотрудничеством в сфере многосторонних институтов. В 2023 году Иран после более чем 15-летнего ожидания стал полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества, а в 2024 году официально присоединился к БРИКС в рамках первого крупного расширения организации. Основной интерес Ирана к этим международным объединениям носит экономический характер: Тегеран рассчитывает использовать свое членство для нивелирования воздействия санкций на финансовую и другие сферы экономики. Кроме того, для Ирана присоединение к ШОС и БРИКС стало шагом к восполнению беспокоящего иранские элиты низкого уровня членства в региональных междуна-

oooooooooooooooooooo

2 Кеффер Л. МИД Ирана вызвал посла России из-за позиции РФ по трем островам в Персидском заливе // «Коммерсантъ». 12.07.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6097581> (Дата обращения: 06.05.2026).

3 По самым скромным оценкам, русскоязычное население Израиля составляет более 1 млн человек, или порядка 15% населения страны. См.: Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Очирова Г.Н. русскоязычное население в странах дальнего зарубежья // Вестник МГИМО. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoyazychnoe-naselenie-v-stranah-dalnego-zarubezhya> (Дата обращения: 06.05.2026).

4 Ульянов: РФ осуждает вооруженную агрессию Израиля и США против Ирана // ТАСС. 02.03.26 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/26608975> (Дата обращения: 06.05.2026).

5 МИД РФ назвал категорически неприемлемым требование лишить Иран мирного атома // Коммерсантъ. 24.08.2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7988604> (Дата обращения: 06.05.2026).

родных структурах⁶. С 2018 года между Ираном и Евразийским экономическим союзом действовало временное, а с 2025 года вступило в силу постоянное соглашение о зоне свободной торговли, по которому тарифные преференции должны охватить более 90% российского экспорта в Иран⁷.

Россия выступает крупнейшим партнером Ирана в области военнотехнического сотрудничества. В 2020 году Москва совместно с Пекином заблокировали в ООН продление эмбарго на поставки вооружений в Иран. Иран располагает системами ПВО С-300⁸, истребителями Су-359 и прочей военной техникой российского производства. По информации Стокгольмского института исследования проблем мира, начиная с 2021 года Россия выступает единственным поставщиком в Иран основных видов вооружений и военной техники¹⁰. Кроме того, страны сотрудничают в сфере систем слежения и обмена разведывательной информацией. Характерно, что во встрече с министром иностранных дел Ирана А. Аракчи в конце апреля 2026 года, помимо президента и министра иностранных дел России, принимал участие глава ГРУ Генштаба ВС¹¹.

Торговля, инвестиции и общественные связи: современное состояние, ограничения и перспективные направления сотрудничества

На протяжении долгого времени Москва и Тегеран стремятся создать условия для качественного роста торгово-экономического сотрудничества, однако на сегодня показатели в этой области остаются низкими. Взаимный товарооборот не пре-

6 [Резаи А., Салехи А. Шанхайская организация сотрудничества и постоянное членство Исламской Республики Иран] // فصلنامه مطالعات سیاسی [Журнал политических исследований]. Год 3, № 9. 2010/2011 г. С. 51–72. URL: https://journals.iau.ir/article_666086.html (Дата обращения: 27.04.2026).

7 Соглашение о зоне свободной торговли ЕАЭС и Ирана вступило в силу // Интерфакс. 15.05.25 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/1025699> (Дата обращения: 06.05.2026).

8 Россия поставила Ирану все ракетные комплексы С-300 // Газета.ру. 13.10.26 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/9214973.shtml> (Дата обращения: 06.05.2026).

9 Иран подтвердил получение российских боевых самолетов и вертолетов // Ведомости. 29.11.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/11/29/1008252-iran-podtverdil-poluchenie-rossiiskih-boevih-samoletov-i-vertoletov> (Дата обращения: 06.05.2026).

10 Trends in international arms transfers, 2025 / SIPRI Fact Sheet. March 2026 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sipri.org/publications/2026/sipri-fact-sheets/trends-international-arms-transfers-2025> (Дата обращения: 06.05.2026).

11 Встреча с Министром иностранных дел Ирана Аббасом Аракчи // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/79633> (Дата обращения: 06.05.2026).

вышает 5 млрд долл. в год, причем более 80% в нем составляют продовольствие и сырье¹², а в рамках инвестиционного сотрудничества, за исключением постройки первого энергоблока Бушерской АЭС и продолжающейся работы над вторым и третьим энергоблоками¹³, нет информации о других значимых реализованных проектах. Одним из препятствий к развитию торгово-экономических связей остается санкционное давление на обе страны, создающее дополнительные транзакционные издержки для бизнеса. Однако более серьезными препятствиями представляются системное отсутствие у крупного российского и иранского бизнеса заинтересованности и воли к реализации долгосрочных проектов, а также трудности, связанные с входом на рынок другой страны. Различные проекты масштабных инвестиций в иранские нефте- и газодобывающую и перерабатывающую отрасли, транспортную инфраструктуру, выдвигаемые на протяжении более чем 20 лет, по разным причинам не доходят до практической реализации¹⁴. Реализуемые проекты также сталкиваются с трудностями: проект МТК «Север — Юг» спустя 25 лет с момента объявления о нем все еще далек от работы на полную мощность¹⁵, а сопряжение российской и иранской платежных систем¹⁶ и открытие в Тегеране филиала банка ВТБ¹⁷, очевидно, пока не придали импульса развитию российско-иранской торговли и трансграничных денежных переводов. Сооружение АЭС в Бушере сегодня сталкивается с угрозами ввиду обстрелов со стороны США и Израиля, и вопрос обеспечения ее безопасности оказывается в приоритете для Москвы и Тегерана. Отсутствие на протяжении долгого времени знаковых успешных российско-иранских проектов создает

oooooooooooooooooooo

12 Товарооборот России и Ирана в 2023 году снизился на 17,3%, до \$4 млрд // Интерфакс. 28.02.24 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/948210> (Дата обращения: 06.05.2026).

13 Лихачев рассказал о деталях участия России в строительстве двух блоков АЭС «Бушер» в Иране // Коммерсантъ. 17.11.25 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8210740> (Дата обращения: 06.05.2026).

14 См., например: Кезик И. Трубы дело: Россия инвестирует в газовые проекты Ирана \$8 млрд // Известия. 06.06.25 [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1899135/irina-kezik/truby-delo-rossiya-investiruet-v-gazovye-proekty-irana-8-mlrd> (Дата обращения: 06.05.2026).

15 «Из варяг в персы»: перспективы развития МТК «Север — Юг»: доклад // N. Trans Lab. 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://ntranslab.ru/analytic/doklady/iz-varyag-v-persy-perspektivy-razvitiya-mtk-sever-yug/> (Дата обращения: 06.05.2026).

16 Иран нанесли на карту «Мира» // Коммерсантъ. 27.12.24 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7397332> (Дата обращения: 06.05.2026).

17 ВТБ открыл офис в Иране // Коммерсантъ. 17.05.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5987469> (Дата обращения: 06.05.2026).

в политических, академических и деловых кругах обеих стран негативное впечатление о состоянии и перспективах торгово-экономического сотрудничества.

Эскалация ирано-американского конфликта высветила ряд возможностей с точки зрения российско-иранских отношений. Конфликт обнажил высокую уязвимость мировой экономики в случае нарушения глобальных логистических цепочек. Глубокий провал в морской логистике через Ормузский пролив повышает запрос на альтернативные маршруты международной торговли. В частности, для Ирана объективно растет ценность МТК «Север — Юг», который может покрыть возникающий на иранском рынке дефицит многих товаров, поставлявшихся ранее через южные порты¹⁸. Падение или прекращение поставок в Иране ряда товарных позиций, которые ранее закупались на Западе в большом объеме — зерна¹⁹, коксующегося угля и пр., — могут быть компенсированы за счет поставок из России по более низким ценам. Кроме того, послевоенное восстановление увеличит в Иране спрос на строительные товары и услуги, технологии, материалы и пр., что расширяет окно коммерческих возможностей для российского бизнеса. Учитывая, что восточная и каспийская ветки МТК оснащены необходимой инфраструктурой и обеспечивают сравнительно дешевый и практически бесшовный маршрут для поставок из России, наращивание торговли не будет встречать серьезных барьеров с точки зрения логистики. При этом встречные инвестиции в развитие портовой инфраструктуры на Каспийском море позволили бы устранить узкие места в этой области, сократив издержки и сроки перевозки грузов по Каспийскому морю²⁰.

В более долгосрочной перспективе углублению российско-иранских отношений может послужить сотрудничество в сфере интеграции производственных и технологических цепочек. Несмотря на значительные внешнеэкономические ограничения, Иран достиг

oooooooooooooooooooo

18 Из-за Ормузского кризиса 2 млн тонн пшеницы могут пойти в Иран через Каспий // «Каспийский вестник». 15.05.26 [Электронный ресурс]. URL: <https://casp-geo.ru/iz-za-ormuzskogo-krizisa-2-mln-tonn-pshenitsy-mogut-pojti-v-iran-cherez-kaspij/> (Дата обращения: 06.05.2026).

19 Cargill и Bunge прекратили поставки в Иран из-за санкций США, парализовавших банковскую инфраструктуру: подробности // Цифровая платформа Форкагро [Электронный ресурс]. URL: <https://forkagro.com/incubator/v/cargill-i-bunge-prekratili-postavki-v-iran-iz-za-sankcij-ssha-paralizovavshih-bankovskuyu-infrastrukturu-podrobnosti> (Дата обращения: 08.12.2025).

20 Масштабные инвестиционные проекты с Ираном развиваются // Российская газета. 17.03.26 [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2026/03/17/reg-ufo/masshtabnye-investicionnye-proekty-s-iranom-razvivaiutsia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (Дата обращения: 06.05.2026).

заметного прогресса в ряде технологичных отраслей: производстве газотурбинных установок для электростанций, катализаторов для нефтехимической промышленности, в нанотехнологиях, производстве БПЛА, медицине и пр.²¹ Иран обладает развитым человеческим капиталом, для страны характерен в целом высокий уровень образования и наличие высококвалифицированных научных кадров в точных и естественных науках. При этом Иран в ряде важных для экономики отраслей испытывает острую потребность в инновационных решениях, а также в локализации производства подсанкционного оборудования, комплектующих и пр. Это касается таких сфер, как нефтедобыча и нефтехимия, фармацевтика, автомобиле- и авиастроение. В этой связи представляется целесообразным объединение усилий российского и иранского бизнеса и науки в создании инновационных продуктов и технологий и их внедрении в производство. Кроме того, Россия могла бы не только стать поставщиком в Иран определенных видов технологичной продукции, но и работать с Ираном над интеграцией цепочек ее производства. Учитывая активный рост в Иране сферы стартапов, позитивный эффект могло бы дать и создание российско-иранского бизнес-инкубатора.

Перспективным направлением остается энергетика. Хотя топливная ориентация экономик России и Ирана дает основания считать их конкурентами на мировом рынке энергоресурсов, нелегитимное санкционное давление на обе страны создало условия для взаимовыгодного сотрудничества в части экспорта нефти и нефтепродуктов. Россия успешно работает с Ираном над вопросом обеспечения недискриминационного доступа к мировым энергетическим рынкам²². Москва также стремится наладить сотрудничество с Тегераном в сфере поставок природного газа, частично перенаправив в Исламскую Республику отрезанные от Европы потоки «голубого топлива». Иран испытывает проблемы с газификацией ряда районов страны, а поставки газа из России позволили бы компенсировать существующий дефицит

oooooooooooooooooooo

21 Маргоев А.Р., Артемьев П. Ни Восток, ни Запад: как иранская экономика справляется с санкциями // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 09.09.24 [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ni-vostok-ni-zapad/> (Дата обращения: 06.05.2026).

22 Nencini, T. Interview: Why China Has Not and Will Not Come to Iran's Rescue w/ Esfandiyar Batmanghelidj // ChinaMed [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chinamed.it/observer/interview-why-china-has-not-and-will-not-come-to-irans-rescue-w-esfandiyar-batmanghelidj> (Дата обращения: 03.03.2026).

и стабилизировать ситуацию в энергетической отрасли²³. Между российскими и иранскими министерствами и нефтегазовыми компаниями подписан ряд меморандумов о взаимопонимании²⁴, предусматривающих крупные российские инвестиции в иранскую нефтегазовую отрасль, проведение совместных геолого-разведочных работ и т. д.

По сей день недостаточно развитой сферой в российско-иранских отношениях остаются общественные и гуманитарные связи. Примечательно, что в советский период до исламской революции в Иране их уровень был несравнимо выше: значительно больше был объем поездок в деловых, туристических и семейных целях, советские деятели и организации культуры регулярно гастролировали в Иране и т. д. Однако общее ухудшение и сворачивание отношений в первое десятилетие после исламской революции, а затем распад СССР практически свели на нет общественную составляющую в двусторонних связях, и отношения оказались ограничены политическим и деловым уровнями. На сегодня двусторонний туристический поток²⁵ и культурный обмен остаются незначительными. В то же время наблюдаются и позитивные подвижки: в феврале 2026 года в Тегеране открылся Русский дом²⁶; иранские эксперты регулярно принимают участие в форумах и конференциях клуба «Валдай», Института востоковедения и ИМЭМО РАН, Центра внешнеполитического сотрудничества им. Е.М. Примакова²⁷; в России обучается порядка 10 тыс. студентов из Ирана²⁸, а среди молодых иранских специалистов пользуется популярностью программа стажировок InteRussia²⁹. Кроме того, присутствует определенная асимметрия: в то время как в Москве активно функционирует иран-

oooooooooooooooooooo

23 Поставки Россией газа в Иран могут компенсировать треть от потери рынка Европы // Российская газета. 20.01.25 [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2025/01/20/trubopovod.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (Дата обращения: 06.05.2026).

24 Исаева Е.А. Текущее состояние и перспективы сотрудничества России и Ирана в нефтегазовой сфере // Евразийские исследования. Т. 1, № 1. 2024. С. 78–85.

25 Взаимный турпоток в 2024 году оценивался в порядка 60 тыс. человек. См.: Аналитики спрогнозировали рост взаимного турпотока между Россией и Ираном // ПРАЙМ. 24.04.24 [Электронный ресурс]. URL: <https://1prime.ru/20240424/turizm-847647755.html> (Дата обращения: 06.05.2026).

26 В Иране открылся Русский дом // Россотрудничество. 17.02.26 [Электронный ресурс]. URL: <https://rs.gov.ru/news/v-irane-otkrylsya-russkij-dom/> (Дата обращения: 06.05.2026).

27 В Москве открылся пятый международный экспертный форум Россия — Ближний Восток // ТАСС. 20.10.25 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25394853> (Дата обращения: 06.05.2026).

28 В российских вузах удвоилось число иранских студентов // Газета.ru. 05.05.25 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/05/25702532.shtml> (Дата обращения: 06.05.2026).

29 Юбилейная волна InteRussia: итоги // Портал МГИМО. 27.04.26 [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/main/interussia-04-26/> (Дата обращения: 06.05.2026).

ское культурное представительство, в Тегеране лишь недавно был открыт Русский дом, пока не успевший развить свою деятельность. Расширение российско-иранских культурных и общественных связей вкупе с интенсификацией делового сотрудничества будет способствовать преодолению взаимных стереотипов и недоверия, присутствующих на уровне массового сознания. В качестве одного из шагов, которые придали бы импульс развитию общественных контактов, видится упрощение или отмена визового режима между двумя странами. Кроме того, для формирования в обществах двух стран более полного и отвечающего реальности представления друг о друге необходимо развитие сотрудничества в сфере медиа, создание дополнительных прямых каналов коммуникации посредством традиционных и новых СМИ, взаимная популяризация национальных достижений в области культуры.

* * *

Таким образом, российско-иранское партнерство строится на принципах взаимного уважения интересов, невмешательства во внутренние дела и прагматизма. Провозглашение высокого уровня партнерства свидетельствует о наличии у политического руководства двух стран заинтересованности в долгосрочном сотрудничестве по широкому спектру вопросов, не зависящем от международно-политической конъюнктуры. За рамками сотрудничества в политической, военной и военно-технической сферах, которые предполагают непосредственное взаимодействие между государственными структурами, практическое наполнение отношений требует поиска точек соприкосновения и взаимных интересов в экономической и социальной сферах³⁰. Расширение делового, научно-образовательного, социального и культурного сотрудничества будет создавать позитивную повестку в двусторонних отношениях, наличие которой является необходимой предпосылкой их успешного дальнейшего развития.

oooooooooooooooooooo

³⁰ Схожее мнение о соотношении геополитических и экономических факторов в российско-иранских отношениях высказывают авторитетные российские исследователи-иранисты. См., например: Мамедова Н.М. Сотрудничество России и Ирана: соотношение экономических и геополитических интересов / Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015. С. 51–63.

Библиография:

1. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран / Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный ресурс. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62722/.
2. «Из варяг в персы»: перспективы развития МТК «Север — Юг»: доклад // N. Trans Lab. 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://ntranslab.ru/analytic/doklady/iz-varyag-v-persy-perspektivy-razvitiya-mtk-sever-yug/>.
3. Исаева Е.А. Текущее состояние и перспективы сотрудничества России и Ирана в нефтегазовой сфере // Евразийские исследования. Т. 1, № 1. 2024. С. 78–85.
4. Маргоев А.Р., Артемьев П. Ни Восток, ни Запад: как иранская экономика справляется с санкциями // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 09.09.24 [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ni-vostok-ni-zapad/>.
5. Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015. 260 с.
6. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Очирова Г.Н. русскоязычное население в странах дальнего зарубежья // Вестник МГИМО. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoyazychnoe-naselenie-v-stranah-dalnego-zarubezhya>
7. Nencini, T. Interview: Why China Has Not and Will Not Come to Iran's Rescue w/ Esfandiyar Batmanghelidj // ChinaMed [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chinamed.it/observer/interview-why-china-has-not-and-will-not-come-to-irans-rescue-w-esfandiyar-batmanghelidj>.
8. Trends in international arms transfers, 2025 / SIPRI Fact Sheet. March 2026 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sipri.org/publications/2026/sipri-fact-sheets/trends-international-arms-transfers-2025>.
9. علیرضا رضایی، عباس صالحی. سازمان همکاری شانگهای و عضویت دائم جمهوری اسلامی ایران // فصلنامه مطالعات سیاسی [Резаи А., Салехи А. Шанхайская организация сотрудничества и постоянное членство Исламской Республики Иран. Журнал политических исследований. Год 3, № 9. 2010/2011 г. С. 51–72]. URL: https://journals.iau.ir/article_666086.html.

Россия и монархии Залива – к новому качеству стратегического диалога

Адрианов Артем Константинович, младший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, проектный менеджер Центра Примакова (Россия)

Стратегический диалог России и стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) находится на переломном этапе: накопленный опыт взаимодействия и общие экономические и энергетические интересы создают основу для перехода к всеобъемлющему партнерству. Несмотря на эскалацию в Персидском заливе в марте 2026 года, которая осложнила диалог из-за тесных отношений России с Ираном, представляется, что стороны располагают достаточным потенциалом для преодоления разногласий. Фокус на взаимовыгодных проектах в сфере энергетики, технологий и культурного обмена способен вывести сотрудничество на новый уровень и при этом укрепить стабильность в регионе.

1. Исторические страницы сотрудничества

Сотрудничество Российской Федерации (а ранее — СССР) со странами ССАГПЗ охватывает период в несколько десятилетий и прошло путь от осторожного знакомства до стратегического партнерства с некоторыми странами. Исторический фундамент этих связей был заложен еще в советский период. В 1926 году СССР первым официально признал Саудовскую Аравию (тогда — Королевство Неджд и Хиджаз), продемонстрировав готовность выстраивать отношения с арабскими странами вопреки идеологическим противоречиям.

В 1960–1970-е годы, когда государства Персидского залива обрели независимость, СССР активно поддерживал молодые монархии. Особенно заметной была помощь Кувейту. Советский Союз направ-

лял специалистов для развития нефтяной промышленности, содействовал созданию инфраструктуры (дорог, портов, энергетических объектов), поставлял технику и оборудование, способствовал подготовке национальных кадров: кувейтские студенты обучались в советских вузах, а командированные советские специалисты помогали в становлении кувейтским — подобный процесс в медицине был хорошо описан в мемуарах известного врача-ортопеда В.Ф. Трубникова «Три года в Кувейте»¹.

Важным эпизодом стала позиция СССР по вторжению Ирака в Кувейт в 1990 году. Несмотря на прежние тесные связи с Ираком, советское правительство уже 3 августа 1990 года заявило о приостановке поставок вооружений и осудило действия Багдада, а позже поддержало резолюцию Совета Безопасности ООН о выводе иракских войск.

СССР также стремился выстроить конструктивные связи с другими монархиями. В начале 1972 года советская делегация посетила ОАЭ, Катар и Бахрейн — недавно обретшие независимость страны региона. Визит символизировал готовность СССР наладить официальные отношения с новыми игроками Залива. Участники делегации особо отмечали теплый прием со стороны первого президента ОАЭ шейха Зайда².

Отношения с Оманом поначалу были осложнены из-за войны в Дофаре. Однако со временем ситуация изменилась: в 1985 году были установлены дипломатические отношения, а в 1987 году открылось советское посольство в Маскате, что ознаменовало возвращение к конструктивному взаимодействию.

2. Инвентаризация текущего уровня партнерства

Развитие отношений между Россией и странами ССАГПЗ, начинавшееся с торгово-экономических аспектов, давно перешло на более высокий уровень. На определенных этапах в отношениях с каждой из стран важную роль играли военно-техническое сотрудничество, политическая координация относительно ситуации на Ближнем Востоке, связи по исламской линии, а также ряд других вопросов. К 2026 году сотрудничество как с отдельными странами, так и с организацией ССАГПЗ в целом перешло на стратегический уровень.

1 Трубников В.Ф. Три года в Кувейте, М.: Наука, 1975.

2 Вениамин Попов о становлении отношений России и стран Залива | «О Ближнем Востоке из первых уст» // Центр внешнеполитического сотрудничества им. Е.М. Примакова [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z-QCqKCuvT0&t>

При этом наблюдается и внутрирегиональная дифференциация: выделяются лидеры по уровню сотрудничества с РФ (ОАЭ и Саудовская Аравия); страны, стремящиеся к углублению диалога (Оман, Катар); страны, достаточно осторожно развивающие партнерство (Бахрейн, Кувейт). Об этом свидетельствуют имеющиеся на данный момент соглашения между странами.

Таблица 1. Уровень партнерства между РФ и странами ССАГПЗ

Страна	Документ высшего уровня	Год / статус
Бахрейн	Соглашение о торговле, экономическом и техническом сотрудничестве между Правительством РФ и Правительством Государства Бахрейн	Подписано 12 апреля 1999 г., вступило в силу 20 февраля 2001 г.
Катар	Отсутствует объединяющий документ	—
Кувейт	Отсутствует объединяющий документ	—
ОАЭ	Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Объединенными Арабскими Эмиратами	Подписана 1 июня 2018 г.
Оман	Соглашение о торговле, экономическом и техническом сотрудничестве между Правительством РФ и Правительством Султаната Оман	Подписано 24 ноября 1994 г., вступило в силу 10 августа 1996 г.
Саудовская Аравия	Соглашение о Программе российско-саудовского стратегического сотрудничества высокого уровня	Подписано 15 октября 2019 г.

Источник: составлено автором на основе данных сайта МИД России

Со странами ССАГПЗ также активно ведется диалог на политическом уровне. Он стал особенно важен в условиях ведения СВО, когда страны Персидского залива продемонстрировали свою нейтральную позицию и готовность к сотрудничеству несмотря на введенные западными странами санкции. Особенно активно сотрудничество после 2022 года стало развиваться с ОАЭ и Саудовской Аравией, что, в частности, демонстрирует высокая интенсивность контактов на высшем и высоком уровне: в 2023 году президент России В. Путин посетил Абу-Даби и Эр-Рияд; визиты в Россию регулярно наносит президент ОАЭ Мохаммед бин Зайд Аль Нахайян, проводятся регулярные телефонные звонки с наследным принцем КСА Мохаммедом бин Салманом Аль Саудом.

Таблица 2. Статус проведения совместных МПК России со странами ССАГПЗ

Страна	Статус	Дата последнего заседания
Саудовская Аравия	Регулярно проводится раз в год	1 декабря 2025 г.
ОАЭ	Регулярно проводится раз в год	10 декабря 2025 г.
Катар	Заседания комиссии возобновлены в 2025 г. после перерыва в 2020–2024 гг.	16 марта 2025 г.
Оман	Соглашение о создании Российско-Оманской Межправкомиссии подписано 22 апреля 2025 года	—
Бахрейн	Заседания комиссии возобновлены в 2025 г. после перерыва в 2020–2024 гг.	1 декабря 2025 г.
Кувейт	Не проводилась с 2019 г. Заседание планировалось провести в 2024 г., однако оно не состоялось	4–6 марта 2019 г.

Источник: составлено автором на основе данных новостных агентств

Положительную динамику в отношениях между Россией и ОАЭ и Саудовской Аравией подчеркивает статус работы совместных межправительственных комиссий (МПК). После пандемии COVID-19 заседания МПК первыми возобновились именно с КСА и ОАЭ. Проведение МПК с Бахрейном и Катаром было возобновлено в декабре 2025 года, а в апреле 2025 года была вновь создана МПК с Оманом, экономическое сотрудничество с которым у России активно развивается. В то же время проведение МПК с Кувейтом постоянно откладывалось, и на данный момент ее VII заседание по-прежнему не состоялось.

Успешно развивается диалог по линии Россия — ССАГПЗ в рамках «Стратегического диалога Россия — ССАГПЗ». Встречи в подобном формате проходят регулярно: последняя состоялась в сентябре 2025 года в Сочи. В рамках урегулирования кризиса в Персидском Заливе 30 марта 2026 года министр иностранных дел России Сергей Лавров также провел видеоконференцию с руководством внешнеполитических ведомств стран — членов ССАГПЗ и Иордании.

3. Возможности углубления стратегического диалога и угрозы его дестабилизации

В текущих геополитических условиях поиск новых форматов политического сотрудничества, несмотря на все угрозы и попытки третьих

стран подорвать его, приобретает ключевое значение для безопасности и стабильности на Ближнем Востоке и в мире в целом. В этом контексте вновь обретает актуальность российская Концепция коллективной безопасности в зоне Персидского залива. Хотя сама по себе инициатива не нова — она была разработана еще в 1990-х годах, ее версии были последовательно представлены в 2004, 2007 и 2019 годах, — ее обновление с учетом изменившейся ситуации в регионе представляется крайне актуальным.

Как предсказывал автор в одной из статей 2021 года, «нежелание [крупных региональных игроков] идти на компромиссы, уважать интересы друг друга и учитывать взаимные опасения способствует возникновению конфликтного потенциала в регионе. Дальнейшая эскалация вполне вероятна, и существует потенциальная опасность начала боевых действий, если даже не полномасштабной войны»³. В связи с этим положения Концепции остаются актуальными: она предлагает поэтапное создание инклюзивной архитектуры безопасности, основанной на принципах международного права, неделимой безопасности и мерах доверия. Ее ключевая цель — наладить механизмы диалога и гарантий между всеми региональными игроками, выстроив механизмы доверия, в настоящее время практически отсутствующее между странами ССАГПЗ и Ираном.

Хотя в настоящее время стратегический диалог между Россией и странами ССАГПЗ переживает не лучший этап в истории, существуют возможности для углубления сотрудничества по ряду направлений с высоким потенциалом — в сферах как торгово-экономического, так и технологического и культурного взаимодействия. Это может позволить вывести на новый уровень и политический диалог.

Во-первых, большим потенциалом обладает сотрудничество в сфере ИТ и развития ИИ. Опыт России в развитии цифровых платформ, решений в сфере ИИ, а также кибербезопасности может быть успешно использован странами ССАГПЗ, реализующими амбициозные программы цифровизации⁴. Форматы сотрудничества могут включать совместные исследовательские центры, трансфер технологий, а также обмен опытом в сфере регулирования и стандартизации.

3 Suchkov M., Adrianov A., Yanina V. Russia, the GCC and Iran: Moscow's Approach to the Regional Security Architecture // *Stepping Away from the Abyss: A Gradual Approach Towards a New Security System in the Persian Gulf*. San Domenico di Fiesole: European University Institute. 2021. P. 68–81.

4 Адрианов А.К. Арабские монархии Персидского залива — новый технологический полюс? Аналитические тезисы № 6/2025. М.: Центр Примакова, 2025. 37 с.

Во-вторых, перспективной сферой сотрудничества по-прежнему представляется атомная энергетика. Госкорпорация «Росатом», обладающая неоспоримыми компетенциями в строительстве и эксплуатации АЭС, не раз заявляла о своей готовности участвовать в атомных проектах в странах региона, в первую очередь Саудовской Аравии и ОАЭ. Сотрудничество может развиваться по нескольким направлениям: сооружение атомных энергоблоков, подготовка национальных кадров, обеспечение ядерной и радиационной безопасности, а также совместные проекты в области исследований и ядерной медицины.

В-третьих, освоение космоса — еще одна область стратегического сопряжения интересов. Развитие космических технологий становится все более важным для укрепления суверенитета, в связи с чем диверсификация партнерств в этой сфере для стран ССАГПЗ, опирающихся в основном на американские проекты, может иметь стратегически важное значение. Помимо обеспечения независимого доступа в космос через российские спутниковые группировки, возможны также совместные научные проекты и подготовка специалистов.

В-четвертых, забытой, но потенциально интересной представляется сфера медицины и фармацевтики. Это направление, активно развивавшееся в 1970–1990-е годы — стоит лишь вспомнить плавучую офтальмологическую клинику «Петр Первый», принявшую сотни граждан стран ССАГПЗ в начале 1990-х годов, — может получить новое дыхание. В условиях глобальной трансформации фармацевтических рынков и стремления к импортозамещению открываются возможности для совместного производства лекарств, биотехнологических исследований, диверсификации дистрибьюторских цепочек и обмена опытом в организации здравоохранения.

Наконец, не до конца реализованным представляется потенциал развития культурных связей, хотя в последние годы на этом направлении наметился значительный прогресс (во многом благодаря резко выросшему в 2020-е годы двустороннему туристическому потоку). Среди знаковых проектов стоит отметить реализацию проекта «Русские сезоны» в Бахрейне и Омане и «Московские сезоны» в Кувейте, проведение Дней российской культуры в ОАЭ и Катаре; в свою очередь, в России были проведены Дни культуры ОАЭ и Неделя культуры Кувейта, а также выставки «Сокровища Бахрейна: искусство золотого дела сквозь века» в Государственном историческом музее, «Сере-

бряные сокровища Омана» в московском Кремле и «Оман — страна ладана» в Эрмитаже. Крайне перспективным представляется создание центра — спутника Эрмитажа в провинции Дофар в Омане, соглашение о котором было подписано в 2025 году. Развитие в широком смысле культурного и в узком — музейного и театрального сотрудничества, как представляется, может способствовать укреплению и политических связей в долгосрочной перспективе.

Заключение

Сегодня сотрудничество России со странами ССАГПЗ переживает расцвет: растет объем двусторонней торговли, успешно реализуется партнерство на энергетическом рынке и в сфере инвестиций, активно развивается культурный обмен и технологическое сотрудничество. Несмотря на сложности и противоречия, Россия и страны ССАГПЗ неизменно находили точки соприкосновения: от советской поддержки молодых монархий в 1960–1970-х годах до современного стратегического партнерства; двусторонние связи эволюционировали с опорой на взаимное уважение и общие интересы.

Стратегический диалог России и стран ССАГПЗ находится на переломном этапе, открывающем путь к всеобъемлющему партнерству. Успех этого диалога будет зависеть от способности сторон трансформировать существующие возможности в конкретные проекты, одновременно минимизируя риски от региональной нестабильности и внешнего давления.

Библиография:

1. Адрианов А.К. Арабские монархии Персидского залива — новый технологический полюс? Аналитические тезисы № 6/2025. М.: Центр Примакова, 2025. 37 с.
2. Вениамин Попов о становлении отношений России и стран Залива | «О Ближнем Востоке из первых уст» // Центр внешнеполитического сотрудничества им. Е.М. Примакова [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z-QCqKCuvT0&t>
3. Трубников В.Ф. Три года в Кувейте, М.: Наука, 1975.
4. Suchkov M., Adrianov A., Yanina V. Russia, the GCC and Iran: Moscow's Approach to the Regional Security Architecture // Stepping Away from the Abyss: A Gradual Approach Towards a New Security System in the Persian Gulf. San Domenico di Fiesole: European University Institute. 2021. P. 68–81.

РАЗДЕЛ II

Западная Азия
и мировой порядок

Иранская война и трансформация региональной динамики и международного порядка

Армина Арм, PhD в области международных отношений, заместитель директора Института изучения Ирана и Евразии (IRAS) (Исламская Республика Иран)

Нападение Соединенных Штатов и Израиля на Иран в 2026 году стало поворотным моментом в трансформации как регионального, так и глобального порядка. То, что изначально выглядело как ограниченное военное противостояние, быстро переросло в многомерный кризис с далеко идущими геополитическими, экономическими и связанными с безопасностью последствиями. Вместо того чтобы оставаться в границах Ближнего Востока, этот конфликт обнажил более глубокие структурные противоречия внутри международной системы, подчеркнув эрозию устоявшихся норм и растущую сложность расстановки сил в переходном глобальном порядке.

Нарушение работы критически важных энергетических узлов, особенно блокада Ормузского пролива, вызвало немедленные геоэкономические последствия, дестабилизировало глобальные рынки и усилило инфляционное давление. Эти события подчеркнули ключевой фактор реальности современной системы: даже акторы, действующие за пределами традиционных гегемонистских рамок, могут оказывать непропорционально большое влияние, используя асимметричные средства.

Стратегическая неопределенность и пределы проекции силы США

Одной из определяющих черт кризиса стало очевидное отсутствие у США четкой стратегии в ходе вторжения. Неопределенность четко сформулированных целей в сочетании с несоответствием между за-

явленными задачами и операционными инструментами породило значительную неопределенность в стратегических расчетах. Эта несогласованность не только снизила эффективность вторжения, но и способствовала эскалации и затягиванию кризиса.

Более того, односторонний характер нападения, предпринятого без серьезной многосторонней поддержки и на фоне международного осуждения, высветил растущие ограничения, с которыми сталкивается проекция силы США. И хотя Соединенные Штаты продолжают оставаться одним из главных акторов международной системы, рост расходов на вторжение, оперативные сложности и ослабление поддержки союзников сузили возможности Вашингтона в одностороннем порядке навязывать свою волю.

Данная ситуация отражает глубинный структурный сдвиг: классические модели принуждения, свойственные гегемону, и одностороннего сдерживания перестают соответствовать реалиям все более фрагментированной и многополярной международной обстановки.

От давления к сопротивлению: эволюция стратегической позиции Ирана

Вопреки первоначальным расчетам, затяжное военное и экономическое давление не привело к смене курса Ирана. Более того, оно лишь укрепило его стратегию, построенную на устойчивости и асимметричном сдерживании. Иран выдержал многолетние санкции и технологическое отставание в обычных вооружениях, сумев не только абсорбировать давление, но и изменить правила игры в противостоянии.

Эту трансформацию можно интерпретировать как переход от реактивного сдерживания к проактивному сопротивлению. Задействуя асимметричные средства и играя на слабостях региональной системы безопасности, Иран сумел переформатировать стратегическую обстановку. Его модель представляет собой альтернативный тип сдерживания, в котором упор делается не на достижение военного равновесия с оппонентом, а на устойчивость, способность к адаптации и не прямые методы воздействия.

Регионализация конфликта и геоэкономический рычаг воздействия
Ключевой составляющей иранской стратегии стала регионализация конфликта. Расширяя зону противостояния за пределы своих границ,

особенно через удары по американским военным объектам и стратегической инфраструктуре в Персидском заливе, Иран повысил для своих оппонентов цену эскалации.

Центральным инструментом этой стратегии стал Ормузский пролив. Это один из важнейших в мире маршрутов для транспортировки нефти и газа, поэтому любые блокировки там имеют мгновенные глобальные последствия. Продemonстрировав способность влиять на морские перевозки, Иран показал, что может превращать региональные действия в глобальные экономические эффекты.

Такой геоэкономический рычаг наглядно показывает, как выгодное географическое положение в сочетании с асимметричным потенциалом способно нивелировать превосходство противника в обычных вооружениях и менять более широкую системную динамику.

Новая конфигурация безопасности в Персидском заливе: от внешней зависимости к стратегической диверсификации

Одним из самых серьезных последствий конфликта стало его влияние на систему безопасности в Персидском заливе. Десятилетиями региональная безопасность держалась на Соединенных Штатах как на главном внешнем гаранте. Арабские монархии Залива вкладывались в оборонное партнерство с Вашингтоном, полагая, что присутствие американских войск будет сдерживать угрозы и поддерживать стабильность.

Однако регионализация конфликта и атаки на военные базы США в регионе поставили этот расчет под сомнение. Перенеся противостояние на территории, где дислоцированы американские военные силы, Иран размыл грань между странами, где находятся базы и непосредственными участниками конфликта. Это вызывает важный вопрос: действительно ли опора на американскую защиту способствует укреплению безопасности, или, наоборот, эти государства становятся более уязвимыми, превращаясь цели нападения в кризисных ситуациях?

События вокруг конфликта позволяют предположить, что иностранное военное присутствие может функционировать не только как сдерживающий фактор, но и как источник риска в условиях эскалации. Уязвимость инфраструктуры в сочетании с потенциальной экономической нестабильностью государств Персидского залива усилила

обеспокоенность по поводу устойчивости модели безопасности, основанной на внешней зависимости.

Поэтому текущий кризис, вероятно, ускорит переход к стратегической диверсификации. Вместо того чтобы полагаться исключительно на Соединенные Штаты, арабские монархии Залива станут все активнее проводить многовекторную политику в сфере безопасности. Это включает расширение сотрудничества с другими крупными державами, такими как Россия и Китай, а также параллельное изучение региональных механизмов безопасности.

Подобная диверсификация не обязательно означает полный разрыв с Соединенными Штатами, скорее, это перекалибровка, направленная на снижение чрезмерной зависимости и повышение стратегической автономии. Сотрудничество с Россией может развиваться в таких областях, как координирование усилий в оборонной сфере и геополитическое балансирование, тогда как взаимодействие с Китаем, вероятно, будет сосредоточено на связке «экономика – безопасность» и стабильности инфраструктуры.

В то же время общая подверженность рискам может способствовать более активной внутрирегиональной координации. Несмотря на сохраняющиеся политические разногласия, изменение спектра угроз может вывести сотрудничество между государствами Персидского залива на более прагматичный уровень.

Трансформация глобального порядка: от однополярности к многомерности

Этот кризис следует рассматривать в более широком контексте меняющейся международной системы. За последние десятилетия глобальный порядок все явственнее демонстрирует переход от однополярности к более сложной и многоуровневой структуре. В этой новой реальности власть рассредоточена среди большего числа акторов, от региональных держав до негосударственных игроков.

Ограничения, которые проявились в управлении кризисом со стороны США, и растущая самостоятельность региональных сил говорят о постепенном ослаблении механизмов однополярного доминирования. Речь идет не о немедленном наступлении полноценной многополярности, а о более подвижном и конкурентном порядке с пересекающимися зонами влияния и меняющимися альянсами.

Отношения между Ираном и Россией: тактическое совпадение интересов при стратегических ограничениях

В рамках этого меняющегося ландшафта роль незападных держав, особенно России и Китая, стала более заметной. Однако представление о сплоченном антизападном блоке преувеличено. Отношения между этими акторами в первую очередь обусловлены прагматическими соображениями, а не идеологической близостью.

Примером служат отношения Ирана и России. Хотя сотрудничество между двумя странами углубилось в последние годы, особенно в Сирии и в ответ на западное давление, оно по своему характеру остается в значительной степени тактическим. Оба актора стремятся сохранить стратегическую автономию и избежать чрезмерной зависимости.

Эта гибкая и определяемая текущими интересами динамика отражает общую логику современной международной системы, где партнерства носят скорее ситуативный и временный характер, нежели институциональный и постоянный.

Стратегические возможности и структурные ограничения двустороннего сотрудничества

Нынешний кризис, тем не менее, открыл для Ирана и России окно возможностей для расширения сотрудничества. Относительное ослабление американского влияния в региональной динамике безопасности, вкупе с возросшей ценой односторонних интервенций, создало пространство для альтернативных форматов координации.

К потенциальным сферам углубленного взаимодействия можно отнести: координацию усилий на энергетических рынках, развитие транзитных коридоров, создание независимых от Запада финансовых механизмов и совместное урегулирование региональных кризисов. Однако реализация этого потенциала сопряжена с рядом условий.

Первое: обе стороны должны сохранять стратегический прагматизм и не переоценивать взаимные обязательства. Второе: необходимо эффективно управлять существующими разногласиями, как геополитическими, так и экономическими. И, наконец, сотрудничество должно перерасти из точечной координации в институционализированные и долгосрочные рамки.

Без выполнения этих условий нынешнее сближение рискует остаться ограниченным и временным явлением.

Переконфигурация регионального баланса и восприятие силы

Если Ирану удастся сохранить свою стратегию сопротивления и устойчивости, в регионе к нему начнут относиться иначе. В Иране начнут видеть не столько игрока, скованного санкциями и давлением, сколько активного участника, формирующего механизмы сдерживания.

Подобный сдвиг будет иметь последствия, выходящие далеко за пределы Ближнего Востока. Он может повлиять на стратегические расчеты великих держав и способствовать возникновению новых форм регионального баланса. В этом контексте взаимодействие Ирана с Россией и Китаем может постепенно эволюционировать в сторону более структурированных форматов, особенно если это будет согласовываться с общими тенденциями к многополярности.

Заключение: к более фрагментированному и адаптивному глобальному порядку

Рассмотренные в этом анализе события указывают на процесс более широкой структурной трансформации внутри международной системы. Традиционные модели, основанные на гегемонии и одностороннем вмешательстве, постепенно теряют свою эффективность. Им на смену приходят альтернативные способы проецирования силы, базирующиеся на устойчивости, асимметричных подходах и стратегической географии. В случае, если Иран сохранит свои позиции в условиях затяжного внешнего давления, а США по-прежнему будут сталкиваться с ограничениями при попытках добиться своих целей принудительными методами, возможно формирование нового стратегического уравнения. Такая конфигурация стала бы свидетельством падения эффективности жесткой силы и соответствующего усиления роли адаптивных и устойчивых акторов.

В то же время эволюция отношений между Ираном и Россией иллюстрирует как возможности, так и ограничения, присущие текущей системе. Хотя условия для более глубокого сотрудничества и существуют, их реализация зависит от прагматических решений и способности перевести краткосрочное сближение в долгосрочное структурное сотрудничество.

В конечном счете, траектория этого кризиса позволяет предположить, что глобальный порядок движется, постепенно, но неуклонно, к более сложной, многослойной и динамично сбалансированной

конфигурации. Будет ли этот переход способствовать большей стабильности или приведет к усилению фрагментации, зависит от того, насколько эффективно ключевые акторы смогут ориентироваться в ограничениях и возможностях этой формирующейся среды.

Константы и переменные политики США на Ближнем Востоке

Евсеенко Андрей Сергеевич, к.полит.н., заместитель директора по научной работе Института США и Канады им. Г.А. Арбатова РАН (Россия)

За первую четверть XXI века Соединенные Штаты Америки понесли колоссальные людские, материальные и репутационные потери в ходе реализации своих внешнеполитических интересов на Ближнем Востоке. Тем не менее созданная ими в регионе сетцентричная система союзов сохраняет гибкость и адаптивность к изменениям международной конъюнктуры, что позволяет и дальше рассчитывать на сохранение здесь проамериканского баланса сил¹. Таким образом, те или иные оценки динамики ближневосточных процессов и перспективы конфликтогенности региона должны брать в расчет внешнеполитические интересы США, которые традиционно находятся в зависимости от внутренней политики Соединенных Штатов.

Последняя еще в 1990-е годы конституировала набор внешнеполитических приоритетов в регионе, остававшихся стабильными на протяжении всей постбиполярной эпохи. Стабильность поставок углеводородов в США и нераспространение коммунизма после завершения холодной войны сменились безопасностью транспортных маршрутов и недопущением лидерства конкурирующих держав в регионе. Борьба с терроризмом, приоритетное направление ближневосточной политики США и основополагающий элемент американского внешнеполитического дискурса при администрации Дж. У. Буша, с годами теряла свое значение. Ко второй каденции Д. Трампа террористическая угроза уже стала относиться скорее к внутренним проблемам США и предполага-

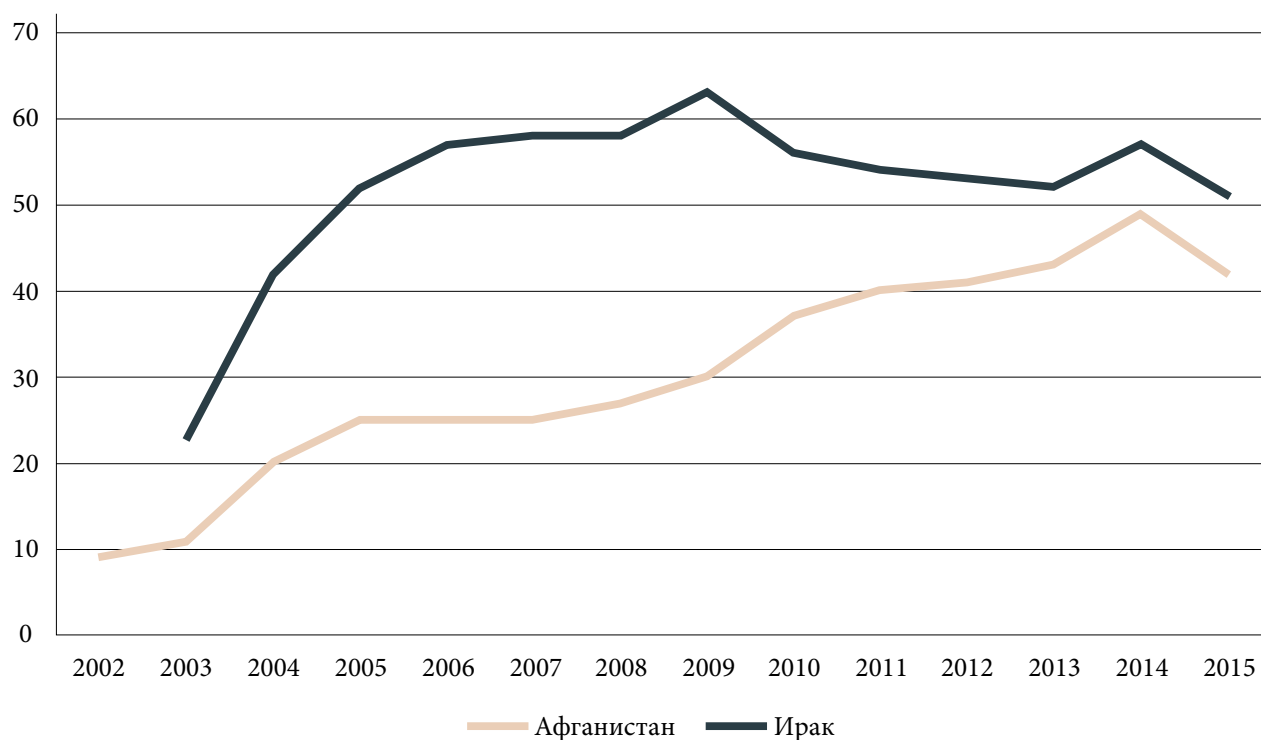
oooooooooooooooooooo

1 Сучков М.А., Ходынская-Голенищева М.С. Сравнительный анализ российских стратегий союзничества на Ближнем Востоке // Сравнительная политика. 2021. № 12(1). С. 69–81. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10006

ла противостояние не с джихадистами, а с американскими политическими экстремистами. Защита Израиля и нераспространение оружия массового уничтожения как были, так и остались в числе приоритетов.

Тем не менее эти интересы не являются статичными. Еще при первой администрации Барака Обамы произошел отказ от ближневосточного «строительства нации» (*nation-building*) в пользу так называемого «поворота в Азию» (*pivot to Asia*)². Сыграли свою роль как непопулярность афганской и иракской военных кампаний в самих США, так и все большая демонизация КНР в американском обществе и политическом истеблишменте.

Доля респондентов в США, считающих ошибкой отправку американских войск в Афганистан и Ирак (2002–2015 годы)³

2 Dolan C.J. Nation-Building at Home and America First / The Politics of U.S. Foreign Policy and NATO. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. P. 115–145. DOI: 10.1007/978-3-031-30796-6_5

3 Dugan A. Fewer in U.S. View Iraq, Afghanistan Wars as Mistakes. Gallup [Электронный ресурс]. 12.06.2015. URL: <https://news.gallup.com/poll/183575/fewer-view-iraq-afghanistan-wars-mistakes.aspx> (Дата обращения: 8.04.2026).

Угрозы Соединенным Штатам, исходящие от китайской военной и экономической политики, в восприятии американской общественности⁴

Область восприятия угроз:	Военная сфера	Экономическая сфера	Военная сфера	Экономическая сфера	Военная сфера	Экономическая сфера
Год	Серьезная угроза (%)		Угроза, но не критическая (%)		Не является важной угрозой (%)	
2013	51	52	39	39	9	8
2014	46	40	41	36	11	10
2016	41	41	46	45	10	11
2022	67	57	29	34	4	8
2023	66	64	27	30	6	6

Самой значимой переменной в основах не только ближневосточной, но и всей внешней политики США при второй администрации Д. Трампа стало отсутствие в доктринальных документах декларации намерений по продвижению демократических ценностей в глобальном мире⁵. Ее наиболее ярким практическим олицетворением стало свертывание деятельности Агентства США по международному развитию (AMP, USAID). Тем не менее говорить о революционности этих преобразований можно с большой долей условности. Отказа Соединенных Штатов от политики предоставления иностранной помощи не произошло⁶. Полномочия AMP перешли в компетенцию Государственного департамента⁷ при сохранении исполнительских

oooooooooooooooooooo

4 Brennan M. Record-Low 15% of Americans View China Favorably. Gallup [Электронный ресурс]. 07.03.2023. URL: <https://news.gallup.com/poll/471551/record-low-americans-view-china-favorably.aspx> (дата обращения: 02.04.2026).

5 National Security Strategy of the United States of America, November 2025. The White House (.gov) [Электронный ресурс]. 05.12.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 04.04.2026).

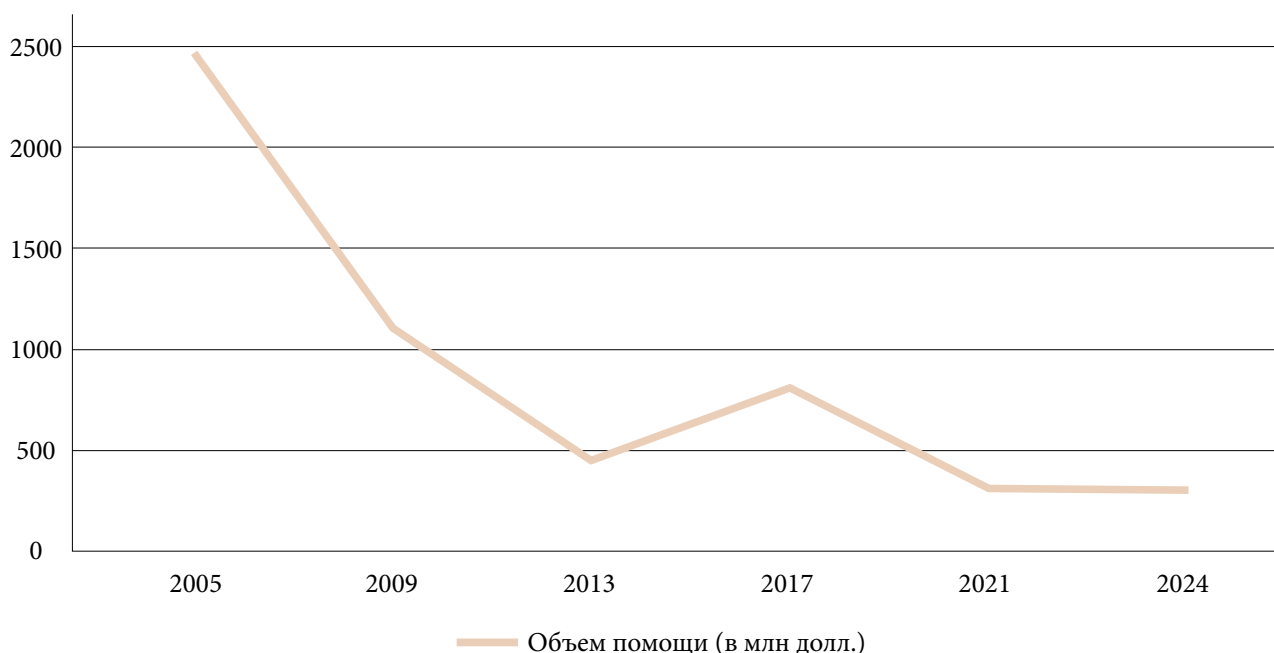
6 Kenny C. Who Is Getting New US Foreign Assistance Contracts and Awards? Center for Global Development [Электронный ресурс]. 14.04.2026. URL: <https://www.cgdev.org/blog/who-getting-new-us-foreign-assistance-contracts-and-awards> (accessed: 15.04.2026).

7 McCabe E. M. U.S. Agency for International Development: An Overview. Congress.gov [Электронный ресурс]. 05.09.2025. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/IF10261> (Дата обращения: 03.04.2026).

функций у Военного департамента США, Министерства труда и других американских ведомств⁸.

Более того, снижение расходов на поддержку демократических идей и практик на Ближнем Востоке началось еще при администрации Дж. У. Буша, которая апеллировала к необходимости распространять демократические идеи в контексте «глобальной войны с терроризмом». Тенденция продолжилась и при первой администрации Барака Обамы, в контексте событий «арабской весны». С одной стороны, снижение поддержки местных общественных активистов позволяло вести диалог с региональными партнерами на прагматичной основе, не усложняя его обвинениями в адрес США о вмешательстве во внутренние дела. С другой стороны, на волне революционных событий начала 2010-х годов к власти пришли исламисты, далекие в своих идеологических предпочтениях от идей демократии, что, в свою очередь, создавало почву для критики со стороны политических противников.

Объемы международной помощи, выделенной США на продвижение демократии и защиты прав человека в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (2005–2025 годы)⁹

8 Obligations 2026. Managing Agency. Foreignassistance.gov [Электронный ресурс]. 31.03.2026. URL: <https://foreignassistance.gov/> (дата обращения: 03.04.2026).

9 Obligations 2005–2025. Middle East and North Africa. Democracy, Human Rights, and Governance. URL: <https://foreignassistance.gov/> (дата обращения: 06.04.2026).

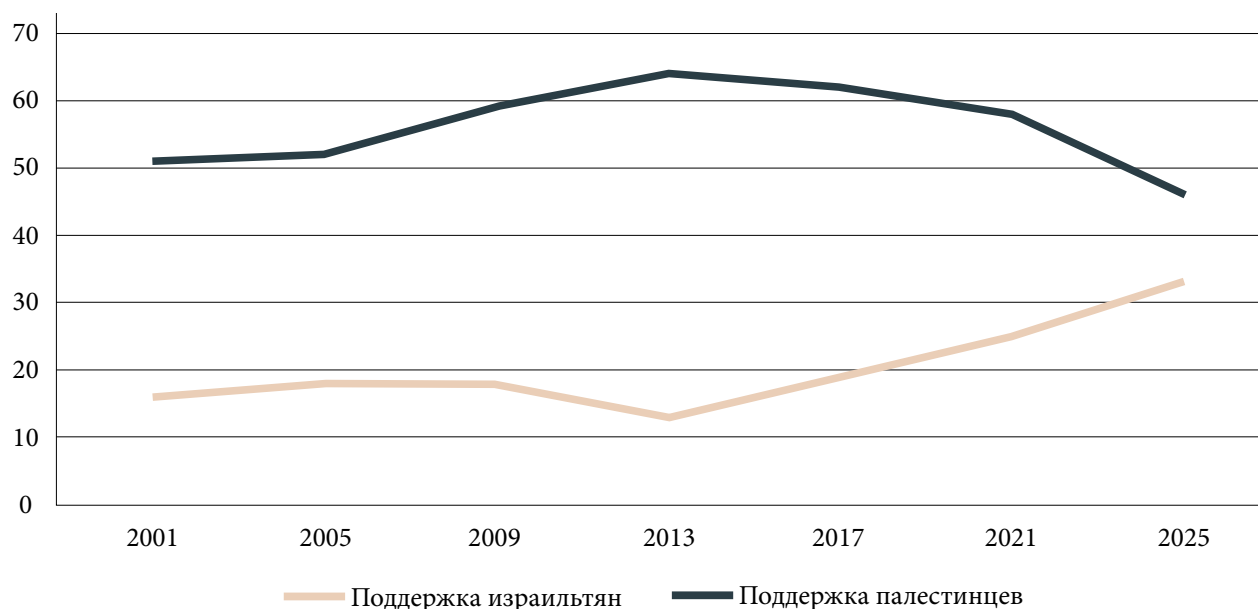
В целом в США остается общественный запрос на предоставление иностранной помощи зарубежным странам. Однако американцы все-таки отдают предпочтение поставкам гуманитарной помощи (воды, еды, медикаментов), а не продвижению демократических ценностей. Важно брать во внимание общественную поляризацию в США, которая не обошла и данный вопрос, а также несколько преувеличенные представления рядовых американцев о доле международной помощи в общем объеме американского федерального бюджета¹⁰.

Еще одна константа ближневосточной политики США, безусловная двухпартийная поддержка национальной безопасности Израиля, также претерпевает изменения. Во-первых, в Соединенных Штатах нарождаются поколения граждан, которые слабо осведомлены об истории Холокоста и арабо-израильских войн. Среди них классические произраильские нарративы о единственной демократии на Ближнем Востоке, угнетенном еврейском народе, пребывающем в окружении непримиримых врагов, уже не находят отклика. Во-вторых, все сложнее навязывать их через традиционные средства массовой информации, поскольку в случае возникновения интереса к палестинско-израильскому конфликту молодые американцы отдают предпочтение социальным сетям и гражданской журналистике. В-третьих, отдельный негатив среди американской молодежи вызывает фигура премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху, который все меньше воспринимается как демократический лидер и все больше — как классический ближневосточный автократ. В-четвертых, в религиозных воззрениях молодых американских евреев и евангелистов Государство Израиль теряет свое значение¹¹. Таким образом, даже среди его наиболее убежденных и последовательных сторонников в США наблюдается переоценка необходимости Соединенных Штатов оказывать Израилю безусловную поддержку.

10 Wike R., Fetterolf J., Clancy L., Lippert J. Majorities of Americans Support Several — But Not All — Types of Foreign Aid. Pew Research Center. [Электронный ресурс]. 01.05.2025. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2025/05/01/majorities-of-americans-support-several-but-not-all-types-of-foreign-aid/> (Дата обращения: 06.04.2026).

11 Kuttub J. American Evangelicals' Declining Support for Israel. Arab Center Washington DC [Электронный ресурс]. 31.12.2025. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/american-evangelicals-declining-support-for-israel/> (Дата обращения: 11.04.2026).

Доля американских респондентов, поддерживающих израильтян и палестинцев в палестино-израильском конфликте (2001–2025)¹²

Сам регион продолжит сохранять конфликтогенность. Причина не только в политических и экономических противоречиях между властными элитами и обществом, которые сохраняются в обозримой перспективе, но и в обострении борьбы за жизненно важные ресурсы. Ближний Восток продолжает демонстрировать темпы демографического роста, одновременно сталкиваясь с последствиями изменения климата в виде обеднения водных ресурсов и ужесточения продовольственных проблем. Центральный из региональных конфликтов, палестино-израильский, в силу тех же демографических изменений в обоих обществах будет все больше характеризоваться как борьба двух народов за жизненное пространство.

Это означает, что Соединенным Штатам не удастся просто отстраниться от региона и его проблем. Локальные кризисы продолжают выходить за его пределы и требовать решения от мирового сообщества в силу уникального логистического и ресурсного значения Ближнего Востока. Свертывание американского присутствия в регионе, его маргинализация в иерархии интересов США возможны в случае фун-

12 U.S. Popular Support for Israel Hits Lowest Point in 25 years Poll. The Cradle [Электронный ресурс]. 14.12.2025. URL: <https://thecradle.co/articles/us-popular-support-for-israel-hits-lowest-point-in-25-years-poll> (Дата обращения: 11.04.2026).

даментальных сдвигов в мировой экономике. Одним из них может быть изменение географии ключевых транспортных артерий. Исчерпание региональными акторами своего ресурсного потенциала также может девальвировать значение Ближнего Востока для внешнеполитических интересов США. Среди военно-стратегических сдвигов стоит выделить гипотетическое появление аналогичных американским возможностей по проецированию силы у одной из мировых держав — соперников США. Подобное изменение баланса сил способно сделать риски вмешательства во внутренние дела региона неприемлемо высокими для Соединенных Штатов. Наиболее существенными из внутриполитических сдвигов могут стать ослабление израильского и прокатарского лобби в США и потеря американским истеблишментом возможности укреплять свой политический капитал за счет вмешательства в ближневосточные дела.

Библиография:

1. Сучков М.А., Ходынская-Голенищева М.С. Сравнительный анализ российских стратегий союзничества на Ближнем Востоке // Сравнительная политика. 2021. № 12(1). С. 69–81. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10006.
2. Brennan M. Record-Low 15% of Americans View China Favorably. Gallup [Электронный ресурс]. 07.03.2023. URL: <https://news.gallup.com/poll/471551/record-low-americans-view-china-favorably.aspx>.
3. Dolan C.J. Nation-Building at Home and America First / The Politics of U.S. Foreign Policy and NATO. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. P. 115–145. DOI: 10.1007/978-3-031-30796-6_5.
4. Dugan A. Fewer in U.S. View Iraq, Afghanistan Wars as Mistakes. Gallup [Электронный ресурс]. 12.06.2015. URL: <https://news.gallup.com/poll/183575/fewer-view-iraq-afghanistan-wars-mistakes.aspx>.
5. Kenny C. Who Is Getting New US Foreign Assistance Contracts and Awards? Center for Global Development [Электронный ресурс]. 14.04.2026. URL: <https://www.cgdev.org/blog/who-getting-new-us-foreign-assistance-contracts-and-awards>.
6. Kuttub J. American Evangelicals' Declining Support for Israel. Arab Center Washington DC [Электронный ресурс]. 31.12.2025. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/american-evangelicals-declining-support-for-israel/>.

7. McCabe E. M. U.S. Agency for International Development: An Overview. Congress.gov [Электронный ресурс]. 05.09.2025. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/IF10261>.
8. National Security Strategy of the United States of America, November 2025. The White House (.gov) [Электронный ресурс]. 05.12.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>.
9. Obligations 2005–2025. Middle East and North Africa. Democracy, Human Rights, and Governance. URL: <https://foreignassistance.gov/>.
10. Obligations 2026. Managing Agency. Foreignassistance.gov [Электронный ресурс]. 31.03.2026. URL: <https://foreignassistance.gov/>.
11. U.S. Popular Support for Israel Hits Lowest Point in 25 years Poll. The Cradle [Электронный ресурс]. 14.12. 2025. URL: <https://thecradle.co/articles/us-popular-support-for-israel-hits-lowest-point-in-25-years-poll>.
12. Wike R., Fetterolf J., Clancy L., Lippert J. Majorities of Americans Support Several — But Not All — Types of Foreign Aid. Pew Research Center. [Электронный ресурс]. 01.05.2025. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2025/05/01/majorities-of-americans-support-several-but-not-all-types-of-foreign-aid/>.

Китай и Ближний Восток: внешнее вмешательство и хрупкость регионального порядка

Кадир Темиз, PhD в области истории, президент Центра ближневосточных исследований (ORSAM), доцент факультета политических наук Стамбульского университета «Медениет» (Турецкая Республика)

Одна из вечных дилемм ближневосточной политики это устойчивый дисбаланс между внутренними процессами и внешним вмешательством. Чем активнее внешние силы втягиваются в политические, военные и экономические дела региона, тем более хрупкой и деформированной становится региональная динамика. Эта закономерность исторически не давала сложиться стабильному, самостоятельному и внутренне согласованному региональному порядку. Внешнее участие не приводило к равновесию, напротив, оно углубляло раздробленность, укрепляло асимметричную зависимость и превращало локальные конфликты в широкие геополитические противостояния.

Ближний Восток занимает уникальное стратегическое географическое положение, соединяя Европу, Азию и Африку и одновременно контролируя одни из самых важных в мире энергетических коридоров и морских узлов. Вследствие этого региональная политика редко развивалась независимо от глобальной конкуренции держав. Внешние силы неизменно пытались формировать политические альянсы, экономические структуры и архитектуру безопасности в соответствии с собственными стратегическими приоритетами, а не с социально-политическими реалиями самого региона. Это сочетание внутренних уязвимостей и внешних амбиций продолжает определять современную повестку Ближнего Востока.

В этом меняющемся контексте усиление роли Китая ставит важнейший вопрос: превратится ли Пекин в очередную внешнюю силу, которая

будет воспроизводить эксплуататорские и дестабилизирующие модели, или же он сможет способствовать формированию более сбалансированного и основанного на сотрудничестве регионального порядка? Ответ на этот вопрос определит не только ближневосточную политику Китая, но и будущую траекторию развития самого региона.

Исторические корни внешнего вмешательства на Ближнем Востоке

Современный Ближний Восток сложился по большей части благодаря внешним геополитическим договоренностям, а не в результате внутренней политической эволюции. Крушение Османской империи после Первой мировой войны ознаменовало начало нового регионального порядка, выстроенного в первую очередь вокруг стратегических интересов европейских держав. Соглашение Сайкса–Пико, колониальные мандаты, искусственные границы и поддерживаемые извне монархии создали политические структуры, которым часто недоставало исторической, социальной и институциональной связности.

Этот порядок, выстроенный извне, ставил во главу угла имперскую связанность, вывоз ресурсов и геополитический контроль, а не устойчивую региональную интеграцию. Последствия этого наследия видны и сегодня. Многие постколониальные государства получили в наследство слабые институты, спорную идентичность и централизованные авторитарные структуры, которые сильно зависели от внешней поддержки.

После Второй мировой войны эти тенденции только усилились. Создание Израиля в 1948 году коренным образом изменило региональную политику и проложило на Ближнем Востоке новую долгосрочную геополитическую линию разлома. Последовавшие затем арабо-израильские войны вывели региональные конфликты на международный уровень и закрепили стратегическое присутствие мировых держав. В эпоху Холодной войны Ближний Восток превратился в одну из главных арен идеологического и геополитического соперничества между США и Советским Союзом.

Региональные игроки все активнее примыкали к глобальным блокам, нередко принося внутреннее развитие и региональное сотрудничество в жертву милитаризации и идеологическому противостоянию. Иностранная военная помощь, поставки оружия, поддержка режимов и прокси-войны обостряли региональные противоречия и одновременно подрывали локальные механизмы разрешения конфликтов.

После окончания Холодной войны внешнее вмешательство не уменьшилось. Напротив, американская однополярность привела к расширению как масштабов, так и сфер прямого вмешательства. Война в Заливе, вторжение в Ирак, операция в Афганистане, санкционные режимы, антитеррористические кампании и политика демократизации кардинально перекроили региональную политику. Но эти вмешательства нередко приводили к непредвиденным последствиям: распаду государств, межрелигиозной поляризации, радикализации и росту числа негосударственных вооруженных формирований.

Таким образом, Ближний Восток превратился в один из самых ярких примеров того, как внешнее политическое конструирование ведет не к стабилизации, а к дестабилизации региональных систем. Большая часть постколониальной и постимперской научной литературы о Ближнем Востоке подчеркивает именно это: внешние игроки пытаются управлять регионом, исходя из глобальных стратегических приоритетов, игнорируя при этом исторические и социологические реалии местных обществ.

Внутренняя фрагментация и пределы региональной субъектности

Однако нельзя объяснять хроническую нестабильность региона только внешним вмешательством. Ближний Восток также сталкивается с серьезными проблемами в формировании изнутри сплоченной региональной субъектности. Глубинные идеологические, межконфессиональные, этнические и политические расколы последовательно мешают созданию устойчивых механизмов регионального взаимодействия.

В годы Холодной войны идеологическая поляризация между арабским национализмом, социализмом, монархизмом, исламизмом и прозападными течениями достигла нового уровня. Эти соперничающие идеологии нередко превращали внутренние противоречия в масштабные региональные конфронтации. Иранская революция 1979 года добавила к этому еще один решающий элемент — революционную шиитскую идеологию, что привело к дальнейшему усилению межконфессиональной и геополитической борьбы.

Подобным образом суннитско-шиитский раскол постепенно превратился из богословского явления в геополитический инструмент. Региональные державы использовали представителей разных конфессий для наращивания своего влияния в таких хрупких политических

средах, как Ирак, Ливан, Сирия и Йемен. Политизация межконфессиональных противоречий ослабила государственные институты и укрепила транснациональные прокси-сети.

Религиозные противоречия также переплелись с более широкими геополитическими конфликтами. Арабо-израильский конфликт, статус Иерусалима, политический ислам, радикализация и транснациональные джихадистские движения — все они способствовали возникновению нестабильности, не знающей государственных границ. Появление таких групп, как «Аль-Каида» и ИГИЛ (запрещенных на территории РФ), показало, как слабость институтов власти, идеологическая радикализация и иностранное вмешательство совместно ведут к крайне дестабилизирующим последствиям.

Этническая раздробленность еще более осложняет региональную ситуацию. Курдские политические движения, арабо-персидское соперничество, племенная разобщенность и проблемы меньшинств продолжают влиять на региональные подходы к безопасности. Поэтому Ближний Восток часто не может выработать коллективные региональные стратегии именно потому, что политическая идентичность здесь по-прежнему расколота по идеологическому, межконфессиональному и этническому признаку.

Таким образом, слабость внутренних региональных механизмов часто создает возможности для более глубокого вмешательства внешних акторов. Следовательно, внешнее влияние и внутренняя фрагментация — это взаимно усиливающие друг друга явления, а не отдельные процессы.

Неолиберальная глобализация, энергетическая политика и возвышение Китая

В посткризисную неолиберальную эпоху Ближний Восток вновь преобразился. Экономическая глобализация, энергетическая взаимозависимость, либерализация финансов и технологическая интеграция создали новые формы связей региона с глобальной экономикой. Нефтегазовые рынки все теснее встраивались в международные производственные и потребительские цепочки.

В то же время стремительный экономический подъем Китая фундаментально изменил глобальную энергетическую геополитику. Пекин стал одним из крупнейших в мире потребителей энергии и постепенно усилил свою стратегическую зависимость от углеводо-

родов с Ближнего Востока. Однако, в отличие от предыдущих внешних игроков, Китай изначально придерживался относительно осторожного и экономически ориентированного подхода к региону.

Ближневосточная политика Китая исторически опиралась на несколько ключевых принципов: приоритет экономического взаимодействия над военным вмешательством; акцент на государственном суверенитете и невмешательстве; сбалансированные отношения с конкурирующими региональными акторами; энергетическая безопасность и торговая связанность; а также избегание идеологической конфронтации.

Стратегия Пекина существенно отличалась от западных интервенционистских подходов. Вместо того чтобы пытаться переконструировать региональные политические системы, Китай сосредоточился на коммерческой интеграции, инвестициях в инфраструктуру и долгосрочных экономических партнерствах. Инициатива «Пояса и пути» дополнительно институционализировала присутствие Китая в регионе, соединив ближневосточные энергетические коридоры и логистические сети с более широкими евразийскими интеграционными проектами.

Китай одновременно выстраивал отношения с Саудовской Аравией, Ираном, Израилем, арабскими монархиями Залива и другими региональными силами, не связывая себя полностью ни с одним геополитическим блоком. Эта многовекторная дипломатия позволила Пекину получить максимальный экономический доступ, избегая при этом глубокой стратегической вовлеченности. Однако усиление экономического присутствия Китая постепенно создает новые стратегические дилеммы. По мере роста интересов Пекина в регионе сохранение строгого политического нейтралитета становится все более сложной задачей. Энергетическая зависимость, безопасность морских путей, уязвимость цепочек поставок и геополитическое соперничество с США вынуждают Китай играть более активную роль в регионе.

Китай на стратегическом перепутье: дестабилизирующая или конструктивная сила?

Сегодня Китай находится на критически важном стратегическом перепутье на Ближнем Востоке. Главный вопрос заключается в том, будет ли Пекин в конечном счете вести себя подобно предыдущим внешним державам, то есть стремиться к стратегическому доминированию и контролю над ресурсами, или же он способен содействовать форми-

рованию более стабильного и основанного на сотрудничестве регионального порядка?

Эта дилемма отражает более широкую дискуссию о роли Китая в мировой политике. До сих пор Пекин в значительной степени извлекал выгоду из критики западного интернационализма, уклоняясь от ответственности за поддержание региональной безопасности. Однако по мере расширения экономического присутствия Китая растут и ожидания относительно его политических и оборонных обязанностей.

На Ближнем Востоке Китай ждет особенно трудное испытание. Хронические проблемы с безопасностью в регионе, затяжные политические конфликты и слабость институтов невозможно решить одной лишь экономической дипломатией. Одних лишь инфраструктурных инвестиций недостаточно для разрешения вопросов, связанных с региональным соперничеством, распадом государств, межконфессиональной поляризацией или вооруженными негосударственными формированиями. Поэтому перед Китаем все острее встает вопрос: останется ли его роль в регионе преимущественно транзакционной или же она трансформируется в более системную, формирующую региональный порядок. Здесь возможны несколько вариантов.

Во-первых, Китай может продолжать свою текущую стратегию осторожного экономического взаимодействия, избегая глубокой политической вовлеченности. Это позволит сохранить гибкость и снизить стратегические издержки, но может также ограничить долгосрочное влияние Пекина на региональную безопасность. Во-вторых, Китай может постепенно эволюционировать, став более активным дипломатическим и оборонным актором. Это предполагает более активные посреднические усилия, управление региональными конфликтами, сотрудничество в области безопасности на море и политическую координацию. Роль Пекина в содействии саудовско-иранскому сближению уже указывает на ранние признаки такого направления. В-третьих, Китай может в конечном счете воспроизвести модели, исторически ассоциируемые с предыдущими великими державами, ставя во главу угла стратегические коридоры, контроль над энергоресурсами и геополитический баланс, а не саму региональную стабильность. Если Китай будет все сильнее обеспечивать безопасность своих экономических интересов, его региональная позиция со временем может смениться на более принудительную и интервенционистскую.

Главный вопрос, от которого зависит будущее ближневосточной политики Китая: способен ли Пекин сохранять роль в основном экономическом игрока в регионе, где экономика и безопасность неразрывно связаны?

На пути к более сбалансированному региональному порядку

В конечном итоге внешние игроки не обязательно несут дестабилизацию. Проблема не в самом внешнем вмешательстве как таковом, а в отсутствии устойчивых рамок, которые позволяли бы уравновесить внешнее влияние и самостоятельность самого региона.

Будущая стабильность Ближнего Востока зависит от создания более рациональных механизмов сотрудничества, которые ослабят конфронтацию с нулевой суммой и сделают приоритетом позитивные региональные задачи. Экономическая связность, совместные инфраструктурные проекты, координация в энергетике, технологическая интеграция и институциональный диалог могут стать альтернативой бесконечному геополитическому противостоянию.

В этих условиях внешние силы могут как углублять раздробленность, так и содействовать стабилизации. Все зависит от того, действуют ли они в регионе преимущественно через вывоз ресурсов, милитаризацию и геополитическую конкуренцию, или же через долгосрочное институциональное и экономическое взаимодействие.

Возвышение Китая несет в себе как риски, так и возможности. Пекин может стать еще одним внешним актором, воспроизводящим эксплуататорские геополитические модели. Однако он также может внести вклад в создание порядка менее интервенционистского и более ориентированного на развитие, если сумеет успешно сбалансировать стратегические интересы с региональной стабильностью.

Таким образом, более широкая задача для Ближнего Востока заключается не в полном устранении внешнего влияния, это нереалистично в условиях высокой степени интеграции глобальной системы, а в создании более прочных внутренних региональных механизмов, способных эффективнее управлять внешним участием.

Будущий региональный порядок, вероятно, будет зависеть от того, смогут ли сами ближневосточные акторы превратить внешнюю конкуренцию в систему, которая поддерживает стабильность, взаимосвязанность и кооперативное развитие, а не вечную раздробленность и прокси-конфронтацию.

ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИОРДАНИИ И ЕЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Хасан Аль-Момани, PhD в области международных отношений, профессор, директор Центра стратегических исследований Иорданского университета (Иорданское Хашимитское Королевство)

Для понимания логики внешней политики Иордании и процесса принятия её внешнеполитических решений, в части действующих лиц, проблем и интересов, необходимо разработать и применить соответствующие аналитические подходы. Общеизвестно, что изучение международных отношений на Ближнем Востоке осложняется тем, что многие исследователи считают региональную систему государств хрупкой, сильно проницаемой для внешнего воздействия и недостаточно устойчивой¹. Кроме того, в регионе наблюдается значительное сращивание государства и политического режима: во многих странах правящие элиты ставят во главу угла выживание режима. Это ограничивает применимость теорий международных отношений для объяснения процессов принятия решений, особенно в соответствующих арабских странах. Также исследование внешней политики государств долгое время находилось под влиянием изучения крупных и сверхдержав, что объясняется затяжным доминированием парадигмы реализма в международных отношениях и постулатом, что только эти влиятельные акторы имеют вес, поскольку именно они формируют международную систему. В результате малые государства воспринимаются как пассивные, слабые, уязвимые и вынужденные подстраиваться под ограничения и давление внешних угроз их национальной безопасности². Таким образом, это заставляет их более чутко реагировать на особенности региональной и международной обстановки.

oooooooooooooooooooo

1 Halliday F. The Middle East in International Relations: Power, Politics and Ideology. UK: Cambridge University Press, 2005. P. 21–22.

2 Ponizilova M. The Regional Policy and Power Capabilities of Jordan As A Small State // Central European Journal of International and Security Studies. 2013. Vol. 7. P. 1–2.

Такая геополитическая логика малого государства исходит из того, что внешняя среда — самый значимый фактор, влияющий на его принятие решений и национальные интересы, прежде всего в сфере безопасности и выживаемости. Для преодоления этой теоретической дилеммы и указанных выше ограничений в данном исследовании мы используем аналитический подход, основанный на реалистическо-рационалистском подходе, который основное внимание уделяет взаимосвязи между интересами малого государства, безопасностью, борьбой за власть, а также региональной и международной системой. Следовательно, наиболее подходящим методом для объяснения внешней политики Иордании является подход трёхуровневой анализа. Общеизвестно, что исследователи применяют этот подход как основу для анализа независимых переменных, которые объясняют внешнеполитическое поведение государства и его последствия на региональном и международном уровнях³. Данный подход предполагает, что внешнеполитические действия государства можно изучать на трёх уровнях: на уровне руководства, на уровне национального государства (социально-экономическом) и на уровне региональной международной системы, включая региональный контекст, в котором действует государство⁴.

Индивидуальный уровень фокусируется на человеческой природе, в частности на политических лидерах, их убеждениях, личностных характеристиках и психологических процессах. Уровень национального государства включает структуру политической системы, характер процесса принятия решений, социальные и экономические факторы, а также роль общественного мнения и групп интересов. Международный уровень, в свою очередь, включает анархическую структуру региональной и глобальной системы, распределение военной и экономической мощи между мировыми державами, модели военных союзов, международную торговлю и другие факторы, формирующие внешний контекст, в котором действует государство.

Что касается Иордании, то на индивидуальном уровне центральное место в политической системе государства и процессе принятия решений занимает король, особенно в части формирования и реали-

3 Levy J. S. Theories of Interstate and Intrastate War: A Levels-of-Analysis Approach / Turbulent Peace: The Challenges of Managing International Conflict / Ed. by C. A. Crocker, F. O. Hampson, P. Aall. Washington D.C.: United States Institute of Peace Press, 2003. P. 4.

4 Там же.

зации внешней политики. На уровне национального государства, несмотря на значительную роль короля в процессе принятия решений в стране, важную роль играют социально-экономические факторы, включая социальные и политические группы, а также общественное мнение, поскольку они влияют на формирование и реализацию внешней политики. Более того, широко признано, что фактором, наиболее сильно влияющим на внешнюю политику Иордании стал уровень международной системы, включая региональный контекст, в котором действует Амман.

Необходимо изучить уязвимые стороны и потенциал Аммана, так как такой анализ поможет понять, что позволяет малому государству, подобному Иордании, проводить эффективную и функциональную внешнюю политику, особенно в сложных региональных условиях. Конституция 1951 года закрепляет за королём центральную роль в деятельности государства⁵. Кроме того, король является главой исполнительной, законодательной и судебной власти, а также верховным главнокомандующим силами безопасности и вооружёнными силами. Процесс принятия решений контролируется королём, как правило, совместно с несколькими ключевыми советниками. Что касается внешнеполитических вопросов, то в круг принятия решений входят король, премьер-министр, руководитель королевского двора и командующие силами безопасности⁶. Помимо этого, у короля есть советники и приближённые, как внутри правительства, так и вне его, чья близость к монарху позволяет им участвовать в принятии решений и влиять на этот процесс. Одновременно конституция гарантирует населению значительную степень демократического участия через парламент, депутаты которого избираются народом напрямую и в основном представляют религиозные, племенные или региональные интересы⁷.

Иордания находится в центре Ближнего Востока. Её территория составляет 89 342 км², и она окружена более крупными, густонаселёнными и экономически более мощными государствами, которые вовлече-

5 Dann U. The Hashemite Monarchy 1948–88: The Constant and the Changing – An Integration // *Jordan in the Middle East: The Making of a Pivotal State 1948–1988* / ed. by J. Nevo, I. Pappé. London: Routledge, 1994. P. 15–18.

6 Brand L. A. *Jordan's Inter-Arab Relations: The Political Economy of Alliance Making*. New York: Columbia University Press, 1994. P. 65.

7 Curtis R. R. *Jordan // Politics and Society in the Contemporary Middle East* / ed. by M. P. Angrist. London: Lynne Rienner Publishers, 2010. P. 110.

ны в политические и идеологические противостояния друг с другом⁸. Эта сложная обстановка поставила Амман в положение буферного государства между враждующими сторонами, что постоянно создавало серьёзные угрозы его национальным интересам, в первую очередь самому выживанию страны. Однако, несмотря на эти трудности, многие считают Иорданию одним из наиболее стабильных государств региона, а её географическое расположение, элементом силы, который даёт стране стратегическое и конкурентное преимущество⁹. Однако отсутствие природных ресурсов стало одним из факторов, серьёзно повлиявших на формирование и реализацию внешней политики Иордании. В отличие от некоторых соседних стран, Иордания это небольшое государство с ограниченными природными ресурсами. В аграрном секторе Иордания — полупустынная страна, зависящая в основном от осадков как источника орошения. Это привело к нестабильности экономики, которая стала крайне уязвимой к изменениям внешней среды. Поэтому для восстановления своей экономики Амман полагался на внешнюю финансовую помощь. Основными донорами Аммана являются страны Залива, США и Европейский союз. Стратегическое расположение Иордании и её конструктивная многоплановая роль, особенно в регионе, сделали Амман ценным и надёжным партнёром для этих стран. Однако традиционная зависимость от иностранной помощи для покрытия экономических потребностей сделала Амман очень чувствительным к внешнему давлению и ограничила его возможности. Для обеспечения непрерывного поступления такой помощи стране приходилось проводить определённую политику в отношении своих традиционных экономических спонсоров. Что касается текущего состояния экономики Аммана, Всемирный банк оценил её ВВП в 42,4 млрд долларов США, а ВВП на душу населения — в 4278 долларов¹⁰.

Население Иордании на сегодняшний день оценивается в 11 миллионов человек, причём большинство жителей моложе 30 лет. Это указывает на то, что иорданское общество молодое, и многие

8 Fisher W. B. Jordan: Physical and Social Geography // The Middle East and North Africa. 42nd ed. London: Europa Publications, 1995.

9 Curtis R. What Jordan Means for NATO (and vice versa) // Istituto Per Gli Studi Di Politica Internazionale [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/what-jordan-means-nato-and-vice-versa-20934> (Дата обращения: 18.05.2026).

10 World Bank. Jordan Economic Outlook — 2025 [Электронный ресурс]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/559531523636706267/pdf/125254-MEM-April2018-Jordan-EN.pdf> (Дата обращения: 18.05.2026).

расценивают этот фактор как сильную сторону национальной мощи Аммана. Более того, несмотря на слабую экономику, Иордания обладает одной из самых эффективных и передовых образовательных систем в регионе. Иорданцы -хорошо образованные и высококвалифицированные люди, поскольку образование считается в их культуре одной из главных ценностей. Кроме того, Иордания входит в число мировых лидеров по уровню грамотности (около 98,01%) и занимает 80-е место из 188 в Индексе человеческого развития, опубликованном ПРООН в 2025 году. Что касается армии, то несмотря на свой небольшой размер, она считается одной из самых профессиональных в регионе¹¹. Численность иорданской армии составляет порядка 101 300 человек. Однако недостаток экономических ресурсов не позволяет Амману финансировать приобретение современных вооружений.

В региональной системе Ближнего Востока Иордания пользуется весомым статусом, который превышает её размеры. Это положение было достигнуто главным образом благодаря географической близости к арабо-израильскому конфликту, особенно к палестинскому вопросу. Арабские страны также рассматривали Иорданию как ключевого игрока в своей системе. С середины 1990-х годов региональная роль Иордании укрепилась благодаря её активному участию в общеарабском мирном процессе, запущенном в начале 1990-х. В октябре 1994 года Иордания заключила мирный договор с Израилем. Она также установила стабильные отношения с Великобританией, прежде всего в сфере военной и экономической помощи. Однако с 1950-х годов Иордания развила тесные отношения с США, которые пришли на смену Великобритании в качестве главного международного экономического и военного спонсора. Амман считается ключевым союзником США в регионе; обе страны сотрудничают в ряде региональных и международных вопросов, руководствуясь общими интересами. Интерес Америки к Иордании обусловлен стратегической важностью последней и ролью, которую Амман играет в арабо-израильском мирном процессе, особенно после заключения мира с Израилем в 1994 году. Иордания также является давним союзником США в борьбе с глобальным терроризмом, совместных военных учениях, обмене разведданными и дипломатической координации. Иордания

oooooooooooooooooooo

11 Schwarz R. War and State Building in the Middle East. Miami: University of Florida Press, 2012. P. 60–61.

поддерживает хорошие отношения с большинством мусульманских стран и стран «третьего мира», являясь активным членом ООН, Организации исламского сотрудничества и многих региональных и международных организаций.

Помимо этого, Амман установил тесное стратегическое партнёрство со многими европейскими странами и Европейским союзом. Амман является ключевым партнёром ЕС на двустороннем, региональном и международном уровнях, поскольку ЕС рассматривает Иорданию как важного игрока в деле продвижения мира, стабильности, умеренности и межконфессиональной терпимости на Ближнем Востоке. Кроме того, обе стороны поддерживают прочное партнёрство во многих сферах и связаны соглашением об ассоциации (с 2002 года) и «расширенным статусом» (с 2010 года). ЕС также входит в число крупнейших доноров финансовой помощи Иордании. Амман развил тёплые отношения и с другими региональными и мировыми державами — Турцией, Канадой, Россией, Китаем, Японией, Пакистаном, Индией, а также со многими странами Африки и Латинской Америки. Поддержка США, ЕС и стран Залива помогла Иордании справиться с серьёзными внутренними и внешними уязвимостями. Поэтому, несмотря на ограниченность ресурсов и уязвимое положение, Иордания добилась регионального и международного статуса, превосходящего её ресурсные возможности, что укрепило её роль.

Проведённый анализ показывает, что геополитическое положение Иордании является одновременно и уязвимостью, и преимуществом. Также мы проследили последовательные усилия малого государства по активному участию в региональной и международной политике, несмотря на ограниченность его возможностей. Кроме того, анализ указывает, что, несмотря на нехватку материальных ресурсов, Амман пытается компенсировать эти недостатки за счёт наращивания элементов «мягкой силы»: географической близости к многочисленным конфликтам, в первую очередь к арабо-израильскому, умеренной политики, репутации и эффективности руководства, накопленного дипломатического опыта и относительной внутренней стабильности. Вдобавок Иордания стремится к участию в международных и региональных организациях, поскольку это позволяет Амману компенсировать свои слабости и добиваться определённых целей, особенно в области безопасности.

Библиография:

1. Brand L. A. Jordan's Inter-Arab Relations: The Political Economy of Alliance Making. New York: Columbia University Press, 1994. P. 65.
2. Curtis R. What Jordan Means for NATO (and vice versa) // Istituto Per Gli Studi Di Politica Internazionale [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/what-jordan-means-nato-and-vice-versa-20934> (Дата обращения: 18.05.2026).
3. Curtis R. R. Jordan // Politics and Society in the Contemporary Middle East / ed. by M.P. Angrist. London: Lynne Rienner Publishers, 2010. P. 110.
4. Dann U. The Hashemite Monarchy 1948–88: The Constant and the Changing — An Integration // Jordan in the Middle East: The Making of a Pivotal State 1948–1988 / ed. by J. Nevo, I. Pappé. London: Routledge, 1994. P. 15–18.
5. Fisher W. B. Jordan: Physical and Social Geography // The Middle East and North Africa. 42nd ed. London: Europa Publications, 1995.
6. Halliday F. The Middle East in International Relations: Power, Politics and Ideology. UK: Cambridge University Press, 2005. P. 21–22.
7. Levy J. S. Theories of Interstate and Intrastate War: A Levels-of-Analysis Approach / Turbulent Peace: The Challenges of Managing International Conflict / Ed. by C. A. Crocker, F. O. Hampson, P. Aall. Washington D.C.: United States Institute of Peace Press, 2003. P. 4.
8. Ponizilova M. The Regional Policy and Power Capabilities of Jordan As A Small State // Central European Journal of International and Security Studies. 2013. Vol. 7. P. 1–2.
9. Schwarz R. War and State Building in the Middle East. Miami: University of Florida Press, 2012. P. 60–61.
10. World Bank. Jordan Economic Outlook — 2025 [Электронный ресурс]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/559531523636706267/pdf/125254-MEM-April2018-Jordan-EN.pdf> (Дата обращения: 18.05.2026).

РАЗДЕЛ III

Палестино-израильский
конфликт

Палестина и Израиль: «альтернативное послезавтра» и переосмысление стратегий мирного процесса

Морозов Владимир Михайлович, д. ист. н., проректор, профессор кафедры дипломатии МГИМО МИД России (Россия)

К марту 2026 года конфликт находится в фазе неустойчивого состояния «после-войны»: прекращение огня, объявленное в октябре 2025 года, не стало устойчивым режимом безопасности. В секторе Газа продолжают эпизоды авиаударов, обстрелов и стрельбы, в том числе по гражданским районам. По данным Управления ООН по координации гуманитарных вопросов, в период 6–17 марта зафиксированы десятки погибших и около сотни раненых; с момента объявления прекращения огня в октябре 2025 года сообщалось о 673 погибших¹.

Гуманитарная динамика остается «узким горлышком» доступа. По состоянию на 19 марта Керем-Шалом оставался единственным действующим пунктом ввоза гуманитарных и коммерческих грузов, создавая устойчивую перегрузку логистики и дисбаланс между ввозом и распределением. Отдельной проблемой остаются ограничения на товары «двойного назначения» и высокая доля срывов/отказов по координации перемещений внутри Газы, что тормозит восстановление инфраструктуры².

На Западном берегу, включая Восточный Иерусалим, конфликт все больше приобретает форму «мозаики принуждения»: действия сил безопасности, рост радикального поселенческого насилия, угрозы

oooooooooooooooooooo

1 UN OCHA: Humanitarian Situation Report | 19 March 2026 // March 19, 2026

2 UN OCHA: Humanitarian Situation Report | 19 March 2026 // March 19, 2026; European External Action Service Rafah crossing reopens with EU Support, February 5, 2026

выселений и ограничения доступа взаимно усиливают друг друга. По данным ООН, атаки поселенцев стали более тяжелыми; число раненых выросло на 54%, а перемещения, связанные с поселенческими инцидентами, — более чем в четыре раза по сравнению со средними значениями 2025 года; с 1 января 2026 года свыше 1 500 палестинцев были перемещены из-за атак поселенцев и ограничений доступа³.

В рамках концепции «альтернативного послезавтра» целесообразно рассматривать не столько сценарии в их чистом виде, сколько траектории, возникающие на пересечении нескольких векторов. В докладе мы стараемся рассмотреть эти траектории на перспективу, не конкретно на сегодняшний день, без учета всплеск насилия, влияющих на ситуацию в конкретный момент времени, но не меняющих сути ситуации.

Возможные классические траектории

Первая траектория — «консолидация единого пространства с иерархией прав». Она не требует формальных политических решений и реализуется инерционно. Ее устойчивость обеспечивается сочетанием силового контроля, экономической интеграции и фрагментации палестинского политического поля. Основной риск — накопление внутреннего напряжения, способного перейти в фазу системной дестабилизации при любом изменении внешних условий⁴.

Вторая траектория — «частичная институционализация конфедеративных элементов». Речь идет не о полномасштабной конфедерации, а о внедрении отдельных механизмов совместного управления — прежде всего в сферах инфраструктуры, водных ресурсов и экономики. Такой подход может рассматриваться как способ управления взаимозависимостью без решения вопроса суверенитета. Его реализация возможна только при наличии внешних гарантий и значительных инвестиций.

Третья траектория — «региональная переразметка конфликта». В этом случае палестинский вопрос интегрируется в более широкий региональный контекст, где приоритеты определяются балансом сил между ключевыми акторами Ближнего Востока. Палестинская повестка при этом не исчезает, но теряет автономность, становясь функцией

3 UN OCHA: Humanitarian Situation Report | 19 March 2026 // March 19, 2026

4 Efron S. et al. Alternatives in the Israeli-Palestinian Conflict // Santa Monica: RAND Corporation. 2015. P. 201–219.

других процессов — в частности, конкуренции с Ираном и трансформации энергетических рынков⁵.

Четвертая траектория — «функциональная декомпозиция урегулирования». Она предполагает отказ от идеи финального соглашения в пользу набора параллельных процессов, каждый из которых имеет собственную логику и участников. В отличие от классического «пошагового подхода», здесь отсутствует конечная точка; система существует как динамическое равновесие, поддерживаемое через постоянную корректировку параметров.

Принципиально важным, на наш взгляд, является переход от модели, ориентированной на конечное решение, к адаптивной. Это означает признание того, что конфликт не обязательно имеет «финал» в традиционном понимании, а может быть переведен в управляемую форму с приемлемым уровнем насилия и предсказуемости.

Особое значение приобретает технологический фактор. Израильская модель «цифрового контроля» — включающая системы наблюдения, алгоритмическую обработку данных и интеграцию гражданских и военных технологий — снижает транзакционные издержки управления конфликтом. Это, в свою очередь, уменьшает стимулы к поиску политического решения. В то же время цифровая среда усиливает асимметричную мобилизацию, позволяя палестинской стороне компенсировать институциональную слабость за счет сетевых форм организации.

Международный аспект

На международном уровне наблюдается фрагментация посреднических усилий. Отсутствие единого центра координации и конкуренция между внешними акторами приводят к тому, что инициативы не складываются в единую стратегию. В этих условиях возрастает значение «микроформатов» — ограниченных по масштабу, но потенциально более эффективных механизмов взаимодействия.

С точки зрения международного права, происходит постепенная эрозия универсалистских норм в пользу прагматических подходов. Отсутствие эффективных механизмов принуждения и политизация международных институтов снижают их роль как арбитров. Это усиливает тенденцию к «де-юридизации» конфликта и переходу к силовым и политико-экономическим инструментам.

5 Cook S. A. The End of the Arab-Israeli Conflict? // Foreign Affairs 99. № 4. 2020. P. 125–133.

В контексте рассматриваемой темы отдельно стоит остановиться на российской экспертизе конфликта.

В целом российская исследовательская традиция предлагает более скептический и структурно-ориентированный подход, рассматривающий конфликт как элемент более широкой системы международных отношений, а не автономный кейс урегулирования.

С позиций российской школы международных исследований, ключевым является тезис о том, что существующий статус-кво не является переходным состоянием, а представляет собой устойчивую модель, поддерживаемую балансом сил и интересов внешних и внутренних акторов. В отличие от западной нормативной парадигмы, ориентированной на достижение окончательного соглашения, наши исследователи акцентируют внимание на способности системы к самовоспроизводству через циклы эскалации и деэскалации⁶.

В этом смысле эскалационные всплески — включая события 2023–2024 годов — интерпретируются не как сбои, а как функциональные элементы системы. Они выполняют роль «перезагрузки» баланса, позволяя сторонам корректировать параметры взаимодействия без выхода за пределы контролируемого конфликта⁷. Такая трактовка позволяет объяснить устойчивость конфликта даже в условиях высокой интенсивности насилия. Подобная логика развивается в работах автора данного доклада⁸, где конфликт интерпретируется как частный случай более широкой модели управляемых асимметричных систем. Схожие подходы прослеживаются и в исследованиях А.В. Кортунова⁹, акцентирующих внимание на ограниченности нормативных конструкций в условиях трансформации мирового порядка, а также у Ф.А. Лукьянова, рассматривающего региональные конфликты как элементы более широкой системы стратегической конкуренции¹⁰.

Существенным вкладом российской экспертизы является также акцент на внешнеполитическом измерении. Палестино-израильский кон-

oooooooooooooooooooo

6 Ермаков А.А., Рыжов И.В. Эскалация палестино-израильского конфликта: операция «Дом и сад» // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки», 29. № 5. 2024. С. 1509–1520.

7 Хайруллин Т.Р. Палестино-израильский конфликт 2023 года: реакция глобальных и региональных игроков // Азия и Африка сегодня. № 6. 2024. С. 15–24.

8 Morozov V.M., Shebalina E.O., Melnikova S.V. The Promise and Failure of Israeli-Palestinian Peace Process in 1990s: A Literature Review // Vestnik MGIMO-Universiteta, 17. № 4. 2024. P. 136–154.

9 Kortunov A.V. Between Polycentrism and Bipolarity: On Russia's World Order Evolution Narratives // Russia in Global Affairs, 17. № 1. 2019. P. 10–51.

10 Lukyanov F.A. Out of Order // Russia in Global Affairs, 22. № 4. 2024. P. 5–8.

фликт рассматривается как часть более широкой региональной и глобальной конфигурации, в которой ключевую роль играют не только США, но и другие центры силы — включая государства Персидского залива, Турцию и Иран. При этом палестинский трек все чаще выступает как инструмент в рамках более масштабных геополитических стратегий¹¹.

Данный подход коррелирует с наблюдаемой тенденцией к «регионализации» конфликта, при которой его динамика определяется не столько двусторонними взаимодействиями, сколько изменениями в региональном балансе сил. В этой логике нормализация отношений между Израилем и рядом арабских государств может рассматриваться как фактор, снижающий приоритет палестинского вопроса и трансформирующий его в переменную более сложного уравнения.

Отдельного внимания заслуживает дискурсивный аспект, на который указывают российские исследователи. Конфликт все в большей степени существует в медийно-информационном пространстве, где конкурируют различные нарративы и интерпретации. Это усиливает его глобальную резонансность и одновременно усложняет достижение консенсуса, поскольку различия в интерпретациях становятся не менее значимыми, чем фактические разногласия¹².

Несмотря на различия с западными моделями¹³, сходство сводится как минимум к необходимости отказа от телеологической модели урегулирования, т. е. модели, требующей окончательного разрешения. Вместо этого предлагается рассматривать конфликт как систему, требующую управления, а не финала.

Рассматривая разные модели, выделим общие принципы:

- поддержание контролируемого уровня насилия;
- предотвращение неконтролируемых эскалаций;
- сохранение каналов взаимодействия;
- интеграцию конфликта в более широкие региональные механизмы.

oooooooooooooooooooo

11 Нестеров Е.А., Нестерова А.А. Репрезентация палестино-израильского конфликта (2023–2024) в официальных заявлениях // Российский социально-гуманитарный журнал. № 3. 2025.

12 Якова Т.С. Конфликт Израиля и Палестины на ментальном ландшафте стран мира // Власть. 33. № 3. 2025. С. 166–172.

13 В западной академической традиции (например, в работах S. Walt и J. Mearsheimer) сохраняется акцент на возможности институционального давления на Израиль как ключевого механизма изменения статус-кво. Значительная же часть российских исследователей указывает на ограниченность подобных подходов, подчеркивая, что внешнее давление не трансформирует базовые параметры безопасности, определяющие поведение израильского государства.

Такой подход во многом совпадает с концепцией «функциональной декомпозиции», однако отличается большей степенью реализма и меньшей зависимостью от нормативных предпосылок.

Сценарии «альтернативного послезавтра»

С учетом текущих тенденций можно выделить несколько вероятных направлений развития конфликта.

Инерционный сценарий предполагает сохранение существующей модели с постепенной институционализацией асимметрии. Этот вариант не требует радикальных политических решений и в значительной степени опирается на уже сложившиеся практики. Иллюстративным примером выступает ситуация на Западном берегу, в частности в районе Дженина, где регулярные силовые операции сочетаются с сохранением формально функционирующих административных структур Палестинской автономии. Подобная конфигурация демонстрирует не распад системы, а ее адаптацию к условиям перманентной нестабильности.

Регионализированный сценарий связан с дальнейшей интеграцией Израиля в региональные экономические и политические структуры при относительной маргинализации палестинского вопроса. В этом случае конфликт сохраняется, но его значение перераспределяется.

Конфедеративные и гибридные сценарии предполагают развитие отдельных механизмов совместного управления без полного решения вопроса суверенитета. Несмотря на концептуальную привлекательность, их реализация сталкивается с серьезными политическими и институциональными ограничениями.

Наконец, сохраняется вероятность **дестабилизационного сценария**, связанного с выходом эскалации за пределы управляемого уровня. Однако на текущем этапе он представляется менее вероятным, чем сценарии адаптации существующей системы.

В любом случае численность израильских поселенцев на Западном берегу превысила 700 тыс. человек, что делает территориальное разделение в классическом виде практически неосуществимым без масштабных принудительных мер¹⁴. Также стоит учитывать, что любые сценарии и модели могут недооценивать фактор внезапной дестаби-

oooooooooooooooooooo

¹⁴ Peace Now: Settlement Population Statistics (Jerusalem: Peace Now, 2023); United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA), West Bank Settlements and Palestinian Communities (New York: United Nations, 2023).

лизации, связанной с внутренними политическими кризисами в Израиле или радикализацией палестинского общества.

Таким образом, «альтернативное послезавтра» палестино-израильского конфликта представляет собой не единый сценарий, а поле конкурирующих моделей. Общим для них является отказ от линейного представления о мирном процессе и переход к более сложным, гибким и зачастую менее нормативно определенным формам взаимодействия.

Библиография:

1. Ермаков А.А., Рыжов И.В. Эскалация палестино-израильского конфликта: операция «Дом и сад» // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки», 29. № 5. 2024. С. 1509–1520.
2. Нестеров Е.А., Нестерова А.А. Репрезентация палестино-израильского конфликта (2023–2024) в официальных заявлениях // Российский социально-гуманитарный журнал. № 3. 2025.
3. Хайруллин Т.Р. Палестино-израильский конфликт 2023 года: реакция глобальных и региональных игроков // Азия и Африка сегодня. № 6. 2024. С. 15–24.
4. Якова Т.С. Конфликт Израиля и Палестины на ментальном ландшафте стран мира // Власть. 33. № 3. 2025. С. 166–172.
5. Cook S. A. The End of the Arab-Israeli Conflict? // Foreign Affairs 99. № 4. 2020. P. 125–133.
6. Efron S. et al. Alternatives in the Israeli-Palestinian Conflict // Santa Monica: RAND Corporation. 2015. P. 201–219.
7. Kortunov A.V. Between Polycentrism and Bipolarity: On Russia's World Order Evolution Narratives // Russia in Global Affairs, 17. № 1. 2019. P. 10–51.
8. Lukyanov F.A. Out of Order // Russia in Global Affairs, 22. № 4. 2024. P. 5–8.
9. Morozov V.M., Shebalina E.O., Melnikova S.V. The Promise and Failure of Israeli-Palestinian Peace Process in 1990s: A Literature Review // Vestnik MGIMO-Universiteta, 17. I. 4. 2024. pp. 136–154.
10. Peace Now: Settlement Population Statistics (Jerusalem: Peace Now, 2023).
11. UN OCHA: Humanitarian Situation Report | 19 March 2026 // March 19, 2026.
12. United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA), West Bank Settlements and Palestinian Communities (New York: United Nations, 2023).

Палестино-израильский конфликт: мрачные сценарии мирного урегулирования

Рами Райес, директор ливанского офиса Института палестинских исследований (Ливан)

Мир на Ближнем Востоке сегодня кажется более недостижимым, чем когда-либо прежде. Разговоры о мире и стабильности уступили место войне в Иране и Ливане и геноциду в Газе. Дипломатия и переговоры исчерпали себя, им на смену пришли насильственные войны и массовые убийства.

С началом американо-израильской войны против Ирана 28 февраля 2026 года, казалось, стал формироваться совершенно новый Ближний Восток, хотя эта идея всегда присутствовала в сознании американцев и израильтян и в прошлом была открыто сформулирована тогдашним госсекретарем США Кондолизой Райс. Конфликт перекинулся на Ливан, который десятилетиями страдал от затяжных войн. Это делает ближайшее будущее крайне неопределённым и непредсказуемым.

В войнах против сектора Газа (2023–2025) и Ливана (2024 и 2026) Израиль продолжал применять практику, которую он установил с момента своего создания: он присваивал себе право нарушать соглашения о прекращении огня, продолжать бомбардировки и наносить удары по отдельным лицам, включая гражданских. После прекращения активной фазы войны в среднем ежедневно погибало пять палестинцев¹. Реализация мирного плана Трампа, похоже, поставлена на паузу, поскольку война против Ирана перевесила все события в регионе и сместила приоритеты².

Традиционное понимание мира оказалось настолько размытым, что

1 Average of five Palestinians killed by Israel every day in Gaza since ceasefire // The New Arab. 22.02.26 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newarab.com/news/average-five-people-killed-gaza-every-day-ceasefire#:~:text=Average%20of%20five%20people%20killed%20in%20Gaza%20every%20day%20since%20ceasefire> (Дата обращения: 18.05.2026).

2 Trump's 20-point Gaza peace plan in full // BBC. 09.09.25 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/c70155nked7o> (Дата обращения: 18.05.2026).

даже решение о двух государствах, выработанное на Мадридской конференции (1991 год)³, и принцип «земля в обмен на мир» больше не звучат в дискуссиях. «На протяжении последних двадцати пяти лет политика США, которую поддерживали как республиканские, так и демократические администрации, выступала за разрешение израильско-палестинского конфликта через решение о двух государствах»⁴, однако эта позиция постепенно сошла на нет. «Соединённые Штаты установят диалог между Израилем и палестинцами для определения политического горизонта мирного и процветающего сосуществования», — гласит упомянутый мирный план из двадцати пунктов⁵. В этой связи Эдвард Саид в своей книге «Конец мирного процесса» попытался проанализировать перспективы процесса Осло, предсказав, что он «не может привести к подлинному миру и не может заложить основы для мира в будущем»⁶. Он был прав, и прав уже давно.

По мере отказа от мирного дискурса, нарастала волна повторяющихся войн, повлёкших за собой катастрофические последствия. С 2007 года Израиль установил жёсткую блокаду Газы и начал военные кампании против Сектора в 2008–2009, 2012, 2014, 2021 и, безусловно, в 2023 году, в результате которых погибло почти 72 000 человек⁷. Сменявшие друг друга израильские правительства вместо призывов к миру и стабильности развязывали войны и предпринимали шаги, как в Газе, так и на Западном берегу, чтобы уничтожить любую реальную возможность урегулирования на основе решения о двух государствах или любого иного варианта.

С момента подписания соглашений в Осло в 1993 году, первого реального договора между палестинцами и Израилем после Накбы 1948 года, прогресса почти не наблюдалось. Как отметил бывший палестинский

oooooooooooooooooooo

3 Michael Fischbach. Madrid and the Oslo Agreement, 1991–1993: Short-Lived Promises of a Negotiated Settlement // Interactive Encyclopedia of the Palestine Question [Электронный ресурс]. URL: <https://www.palquest.org/en/highlight/171/madrid-and-oslo-agreement-1991-1993> (Дата обращения: 18.05.2026).

4 Two-state solution in the Middle East has been a core US policy for 25 years — is the Trump administration eyeing a change? // The Conversation. 12.06.25 [Электронный ресурс]. URL: <https://theconversation.com/two-state-solution-in-the-middle-east-has-been-a-core-us-policy-for-25-years-is-the-trump-administration-eyeing-a-change-258753#:~:text=For%20the%20past%20quarter%2Dcentury,negotiations%20between%20Israelis%20and%20Palestinians> (Дата обращения: 18.05.2026).

5 Trump's 20-point Gaza peace plan in full // BBC. 09.09.25 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/c70155nked7o> (Дата обращения: 18.05.2026).

6 Khatib G. Palestinian Politics and the Middle East Peace Process (In Arabic). Beirut: Institute for Palestine Studies, 2014. P. 14.

7 Death Toll from Gaza Attacks Rises to 72,285 Killed and 172,028 Wounded // Qatar News Agency. 31.03.26 [Электронный ресурс]. URL: <https://qna.org.qa/en/news/news-details?id=death-toll-from-gaza-attacks-rises-to-72285-killed-and-172028-wounded&date=31/03/2026> (Дата обращения: 18.05.2026).

премьер-министр Салам Файяд, «Осло явно не смог привести к созданию палестинского государства к концу "переходного периода"⁸». Все последующие соглашения не обязывали Израиль выполнять их условия. Израиль отказался даже обсуждать ключевые вопросы окончательного урегулирования: границы, статус Иерусалима, возвращение беженцев и палестинскую государственность.

На оккупированном Западном берегу израильские власти не только не вывели войска, но и увеличили количество поселенцев. При нынешнем ультраправом правительстве число поселений и форпостов на Западном берегу, включая Восточный Иерусалим, увеличилось почти на 50 процентов, с 141 в 2022 году до 210 в 2025 году. Около 700 000 поселенцев (почти 10 процентов еврейского населения Израиля) сейчас живут в этих незаконных поселениях⁹.

Исследователь Ахмед Эзз Асад пишет в книге «Общий обзор Израиля 2025: Записки о трансформациях», что «израильская оккупация — это не просто военная оккупация, а сложная поселенческо-колониальная реальность. Поселения направлены на контроль над максимальной площадью палестинских земель с наименьшим количеством жителей — по логике «больше земли и меньше людей»¹⁰. Арабский мыслитель д-р Азми Бишара говорит: «Стало очевиднее, чем когда-либо, что то, что строится в Палестине, — это особая система апартеида, израильская по своему характеру и похожая на упразднённый апартеид в Южной Африке. В отличие от израильских правительств после 1967 года, нынешнее правительство Израиля открыто заявляет, что не примет никакого вывода войск с территорий, оккупированных в 1967 году, и будет удовлетворено, если вообще будет, лишь функциональной палестинской администрацией (или администрациями) в рамках израильского суверенитета»¹¹.

oooooooooooooooooooo

8 Faydad S. Oslo Is Dead: How To Fix the Israeli-Palestinian Peace Process // Foreign Affairs. 02.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2014-10-02/oslo-dead?utm_source=google&utm_medium=cpc&utm_campaign=dsa_middle_east_tfd_am&gad_source=1&gad_campaignid=21047307262&gbraid=0AAAAAD7NbWkVXckWwhCPtm9zHt7xk51NS&gclid=Cj0KCQjw-7cLOBhDmARIsAGsuA0myAc8iZd6GntFk3EQYMYN_jmBm_BMWo_QInSZB72Iawf5h4eMDq-8aAt-kVEALw_wcB (Дата обращения: 18.05.2026).

9 Mansour M. How Israel's record budget will finance expanding illegal settlements // Aljazeera. 02.04.26 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2026/4/2/how-israels-record-budget-will-finance-expanding-illegal-settlements#:~:text=According%20to%20the%20UN%2C%20Israeli,live%20in%20these%20illegal%20settlements> (Дата обращения: 18.05.2026).

10 Several Authors. The General Survey of Israel 2025: Readings in Transformations. Beirut: Institute for Palestine Studies, 2025. P. 969.

11 Azmi B. The National Palestinian Project in the Current International/Arab Context // Journal of Palestine Studies (In Arabic). 2026. Issue 146 (Spring). P. 113.

Ультраправое правительство Израиля во главе с Биньямином Нетаньяху также ослабило Палестинскую администрацию в Рамалле, применив финансовую блокаду: оно отказывается перечислять ей доходы, чтобы лишить ПА основного источника средств для функционирования¹². По расчётам Израиля, это подорвёт доверие населения к Администрации и ослабит её как потенциального партнёра по мирному процессу, а на мир Израиль и не нацелен.

На палестинском фронте политические размежевания достигли беспрецедентного уровня за последние несколько лет. После того как «Хамас» одержал убедительную победу на всеобщих выборах в секторе Газа в 2006 году, между самими палестинцами произошёл раскол, как по вертикали, так и по горизонтали. Многократные попытки арабских стран, Египта, Саудовской Аравии, Алжира и других, примирить движения «Фатх» и «Хамас» провалились. Стороны подписали несколько соглашений, но не смогли взять на себя обязательства по их исполнению. Разногласия между этими двумя движениями связаны не с тактическими шагами в конфликте или второстепенными деталями, а со стратегическими выборами и целями. «Фатх» делает ставку на мирные переговоры, тогда как «Хамас» отдаёт предпочтение вооружённому сопротивлению.

Этот палестино-палестинский раскол препятствует возможности объединения усилий и выработки национальной стратегии освобождения и возвращения утраченных земель Палестины. Обе группировки не только не смогли выработать общий план на будущее, но и время от времени вступали в политические и вооружённые столкновения.

Таким образом, учитывая все вышеперечисленные факторы, говорить о каком-либо мирном процессе само по себе кажется иллюзорным. Следовательно, можно выделить следующие возможные сценарии:

1. Если баланс сил продолжит смещаться в пользу Израиля, маловероятно, что на треке переговоров или так называемого мирного процесса произойдёт какой-либо прогресс. На Западном берегу будут приняты более радикальные меры с целью его аннексии и установления израильского суверенитета (вероятно, при поддержке США), такие как

12 Palestinian finance minister warns of 'existential threat' as Israel withholds tax revenues // The New Arab. 14.02.26 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newarab.com/news/pa-minister-warns-existential-threat-israel-blocks-funds> (Дата обращения: 18.05.2026).

увеличение числа поселений, усиление нападений поселенцев на коренных палестинских жителей, снос домов, конфискация земель и т.д.

Что касается Газы, Израиль не будет колебаться и в дальнейшем перейдет к срыву выполнения мирного плана из двадцати пунктов президента США Дональда Трампа и так называемого Совета мира, который собрался лишь однажды и имел минимальные последствия на местах. Израильская политика, направленная на отделение Газы от Западного берега как базовых столпов ожидаемого палестинского государства, будет продолжаться, причем более масштабно и интенсивно.

Существует серьёзная обеспокоенность, что проект «Совет мира» подорвет систему Организации Объединённых Наций, созданной после Второй мировой войны в 1945 году, и те ценности, которые она представляет в отношении международного публичного права, гуманитарного права и прав человека. Всё это может привести к тотальному хаосу в глобальном масштабе, так что международные отношения в новую эпоху сведутся к доминированию сильного над слабым.

2. Другой возможный фундаментальный сдвиг произойдёт, если Россия и Китай задействуют свой международный вес. Эти две страны исторически поддерживали права палестинцев гораздо активнее, чем большинство остальных региональных и международных игроков. Они всегда могут противостоять американо-израильским войнам через политическое, не обязательно военное, вмешательство. Дистанцирование и политика «мягкой силы», которую эти две державы проводили на Ближнем Востоке, могут перерасти в более активные действия, которые изменят расстановку сил или, по крайней мере, сбалансируют ситуацию.

3. Третий, хотя и маловероятный, сценарий предполагает, что Вашингтон начнёт постепенно предпринимать конкретные шаги, чтобы дистанцироваться от Израиля. Трамп в своей предвыборной кампании обещал, что он прекратит войны, и хвастался, что уже завершил восемь войн. Однако аудитория внутри США всё больше убеждается, что это Израиль втянул Вашингтон в войну с Ираном, а Тегеран не представляет реальной угрозы национальной безопасности Америки, разве что угрозу самому Израилю. Хотя в ближайшее время полноценного размежевания между Израилем и Америкой ждать не приходится, острая дискуссия на эту тему уже набирает обороты в ведущих американских СМИ

и соцсетях. Особенный резонанс она получила, когда налогоплательщикам США наглядно продемонстрировали, во сколько им обходится поддержка Израиля и его бесконечных войн.

В заключение стоит признать: Ближний Восток исторически остаётся очагом конфликтов, и в обозримом будущем это вряд ли изменится. Самая длительная оккупация в современной истории наложила неизгладимый отпечаток на весь регион, а её последствия поистине беспрецедентны. Всё это позволяет предположить, что впереди нас ждут новые потрясения.

Библиография:

1. Azmi B. The National Palestinian Project in the Current International/Arab Context // Journal of Palestine Studies (In Arabic). 2026. Issue 146 (Spring).
2. Faydad S. Oslo Is Dead: How To Fix the Israeli-Palestinian Peace Process // Foreign Affairs. 02.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2014-10-02/oslo-dead?utm_source=google&utm_medium=cpc&utm_campaign=dsa_middle_east_tfd_am&gad_source=1&gad_campaignid=21047307262&gbraid=0AAAAAD-7NbWkVXckWwhCPtm9zHt7xk51NS&gclid=Cj0KCQjw7cLOBhDmARIs-AGsuA0myAc8iZd6GntFk3EQYMYN_jmBm_BMWo_QJnSZB72lawf5h4eM-Dq-8aAtkVEALw_wcB.
3. Khatib G. Palestinian Politics and the Middle East Peace Process (In Arabic). Beirut: Institute for Palestine Studies, 2014.
4. Michael Fischbach. Madrid and the Oslo Agreement, 1991–1993: Short-Lived Promises of a Negotiated Settlement // Interactive Encyclopedia of the Palestine Question [Электронный ресурс]. URL: <https://www.palquest.org/en/highlight/171/madrid-and-oslo-agreement-1991-1993>.
5. Several Authors. The General Survey of Israel 2025: Readings in Transformations. Beirut: Institute for Palestine Studies, 2025.
6. Two-state solution in the Middle East has been a core US policy for 25 years — is the Trump administration eyeing a change? // The Conversation. 12.06.25 [Электронный ресурс]. URL: <https://theconversation.com/two-state-solution-in-the-middle-east-has-been-a-core-us-policy-for-25-years-is-the-trump-administration-eyeing-a-change-258753#:~:text=For%20the%20past%20quarter%2Dcentury,negotiations%20between%20Israelis%20and%20Palestinians>.

Об авторах и составителях

Адрианов Артем Константинович — младший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, проектный менеджер Центра Примакова (Россия)

Аль-Момани Хасан — PhD в области международных отношений, профессор, директор Центра стратегических исследований Иорданского университета (Иорданское Хашимитское Королевство)

Арм Армина — PhD в области международных отношений, заместитель директора Института изучения Ирана и Евразии (IRAS) (Исламская Республика Иран)

Евсеенко Андрей Сергеевич — к.полит.н., заместитель директора по научной работе Института США и Канады им. Г.А. Арбатова РАН (Россия)

Карслиева Виктория Георгиевна — кандидат политических наук, исполнительный директор Центра внешнеполитического сотрудничества им. Е.М. Примакова (Россия)

Кузнецов Василий Александрович — д.полит.н., заместитель директора Института востоковедения РАН, заведующий Центром арабских и исламских исследований ИВ РАН, член Российского совета по международным делам (Россия)

Мамедов Руслан Шакирович — кандидат исторических наук, научный руководитель Центра внешнеполитического сотрудничества им. Е.М. Примакова, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (Россия)

Морозов Владимир Михайлович — д. ист. н., проректор, профессор кафедры дипломатии МГИМО МИД России (Россия)

Паппинен Иван Евгеньевич — проектный менеджер Центра внешнеполитического сотрудничества им. Е.М. Примакова (Россия)

Райес Рами — директор ливанского офиса Института палестинских исследований (Ливанская Республика)

Темиз Кадир — PhD в области истории, президент Центра ближневосточных исследований (ORSAM), доцент факультета политических наук Стамбульского университета «Медениет» (Турецкая Республика)

Юзопольский Марк Давидович — проектный менеджер Центра внешнеполитического сотрудничества им. Е.М. Примакова (Россия)

О Центре Примакова

Центр внешнеполитического сотрудничества имени Е. М. Примакова — это экспертно-аналитическая площадка, созданная в 2015 году в память о выдающемся дипломате Евгении Примакове.

Миссия Центра заключается в сохранении и развитии интеллектуального наследия Евгения Примакова, укреплении международного сотрудничества на экспертно-научном уровне, а также вовлечении институтов гражданского общества во внешнеполитический процесс.

Центр имеет три ключевых направления деятельности: ближневосточная проблематика, ядерная тематика и наследие Евгения Примакова.

Россия и Западная Азия в оценках международных экспертов
Доклад

Верстка: Горохова А.Ю.

Редакторы-составители: к. ист. н. Мамедов Р.Ш. (отв. ред.),
к. полит. н. Карслиева В.Г., Исакова А.А., Юзопольский М.Д., Паппинен И.Е.

primakovcenter.ru